

На правах рукописи

ЛУШИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

**ВЛАСТЬ И ПРАВООЩИТНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В СССР**

Специальность 07.00.02 - отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Саранск 2004

Работа выполнена на кафедре гуманитарных дисциплин
Средне-Волжского филиала Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации.

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Данилов Александр Анатольевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Королева Лариса Александровна;

доктор исторических наук, профессор
Филатов Лев Герасимович;

доктор исторических наук
Чуканов Иван Альбертович

Ведущая организация: **Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского**

Защита состоится 6 февраля 2004 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.04 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» по адресу: 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Пролетарская, 63, конференц-зал (ауд. 408).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева по адресу: Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Автореферат разослан «03» января 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Э. Д. Богатырев

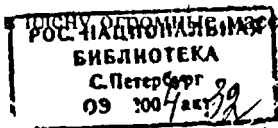
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Развитие российской государственности, признание приоритета прав человека, гражданского правового общества, изменения в общественном сознании - все это нуждается в научном осмыслении, свободном от апологетики, предвзятости и конъюнктуры. В этой связи особую актуальность приобретает исследование опыта взаимоотношений власти и инакомыслия в СССР, что облегчает поиск и внедрение цивилизованных принципов государственного отношения к различным мировоззренческим позициям в постсоветском пространстве, утверждение политического плюрализма, построение при минимальных издержках подлинно гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что на взаимоотношения власти и оппозиции в СССР оказывал влияние ряд объективных и субъективных обстоятельств. Оставаясь на протяжении XX века силой, стоящей над обществом, советская власть навязывала ему свои «правила игры» и собственную догматическую модель общественного развития. В свою очередь, перманентный прессинг по отношению к инакомыслию порождал адекватное противодействие оппозиционных сил, которые редко шли на компромисс с властью, в чем она усматривала лишь признаки слабости оппозиции.

Системный кризис, симптомы которого наиболее рельефно обнажились в второй половине 1960-х годов, нарушение прав и свобод, провозглашенных Конституцией СССР, Всеобщей Декларацией прав человека и другими международными правовыми документами, неизбежно вели к зарождению движения в защиту прав человека. Исследование процесса его становления и развития сегодня особенно актуально, ибо проблема «власть - оппозиция» состоит не только в академических оценках опыта недавнего прошлого, но и, прежде всего, в поисках путей к подлинной демократии, основанной на прочных гарантиях защищенности прав и свобод человека и гражданина.

Обращение к проблеме взаимоотношений власти и правозащитного движения имеет и важное практическое значение. В Конституции Российской Федерации сформулированы многие демократические права и свободы. К сожалению, приходится констатировать, что они пока еще слабо материализованы и нередко нарушаются самим государством. Вместе с тем мировоззренческие основы правозащитного движения в СССР базировались не столько на отрицании советской действительности, сколько на достижениях и ценностях правовой культуры развитых демократических обществ. Анализ опыта нравственного сопротивления авторитарному режиму полезен для стабилизации политической системы в России, демократизации общества, отказа от утопий, державших

Исследовательский интерес к указанной проблеме, как и к трагическим событиям прошлого, в целом обусловлен необходимостью только начатого критического осмысления советской истории, восстановления авторитета объективного научного знания. Дальнейшее исследование этого уникального явления - важнейшая задача отечественных историков и общественников.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема взаимоотношений власти и диссидентского движения в СССР до недавнего времени занимала весьма скромное место в отечественной исторической науке, так как официально диссиденты считались «антисоветскими элементами». Поэтому в 1970-х годах, когда проблема защиты прав человека приобрела широкий международный характер, первыми исследователями правозащитного движения явились западноевропейские и американские советологи, сотрудники западных спецслужб. В их работах, отличавшихся эмоциональностью и публицистичностью, внимание акцентировалось на неприятии партийным руководством инакомыслия, фактах судебных и внесудебных преследований диссидентов. В советских же изданиях тема диссидентского движения была представлена в негативном свете, в них культивировалась нетерпимость к людям, открыто критиковавшим пороки советского политического режима¹.

«Перестроечные» процессы второй половины 1980-х годов, отличавшиеся ярко выраженным критическим отношением к советской истории, сопровождались появлением работ, идущих в русле исследований западных авторов. Особенность складывания историографической базы правозащитного движения в этот период заключается в том, что вначале данной темой занялись публицисты, затем появились материалы опубликованных архивных источников и только потом - собственно научные исследования.

Первые публикации о диссидентском движении не были строго научными, их авторы старались привлечь внимание общественности к этой закрытой ранее теме. Так, в работе В. Пономарева «Общественные волнения в СССР от XX съезда КПСС до смерти Брежнева»² были приведены примеры 46 общественных волнений, имевших место в населенных пунктах 11 республик. Автор сфокусировал внимание на наиболее радикальных формах проявления общественного недовольства - митингах, захватах административных зданий, оставив вне поля зрения другие формы протеста.

Существенные историографические сдвиги обозначились лишь в начале 1990-х годов, когда возникло стремление понять гносеологические

¹См.: Белов А., Шилкин А. Диверсия без динамита. М., 1972; Антонов Б. Г. Под маской борцов за права человека. Киев, 1979; Керимов Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979; Яковлев И. Н. ЦРУ против СССР. М., 1985 и др.

²См.: Пономарев В. Общественные волнения в СССР от XX съезда КПСС до смерти Брежнева. М., 1990.

корни назревшего конфликта между властью и обществом. Прежде всего назовем работу О. В. Волобуева и С. В. Кулешова «Очищение: история и перестройка. Публицистические заметки»³, открывшую неизвестные страницы недавнего прошлого.

Важным событием в интеллектуальной жизни общества стали коллективные исследования первой половины 1990-х годов. В них впервые были поставлены вопросы альтернативности общественного развития, истории политических движений, партий, организаций, институтов власти и управления, приводились конкретные примеры сопротивления тоталитаризму⁴.

В начале 1990-х годов на постсоветском пространстве появились и первые легальные публикации самих диссидентов. Среди них особое место занимает вышедшая в 1992 г. в Москве и Вильнюсе монография активной участницы правозащитного движения Л. М. Алексеевой «История инакомыслия в СССР. Новейший период», издававшаяся ранее в США. Это была первая попытка классификации инакомыслия в СССР. Автор проанализировал конкретные проявления диссидентского и правозащитного движений. Каждое из них, в том числе правозащитное, рассмотрены отдельно, так как все они имели свою специфику, и цели их не всегда совпадали.

В первой половине 1990-х годов проблемы истории инакомыслия начали привлекать все большее внимание ученых-обществоведов. Анализу общественно-политических процессов первых послевоенных десятилетий: десталинизации, усиления консервативных тенденций в политике государства, а также зарождения диссидентского движения было посвящено исследование Т.Л. Савохиной и Н. П. Зезиной⁵.

В эти же годы изучением диссидентского и правозащитного движений начала заниматься кафедра отечественной истории новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. Первым итогом этой работы явилось исследование А. Б. Безбородова, М.М. Мейера и Е. И. Пивовара, пролившее свет на целый ряд сюжетов истории инакомыслия, неизвестных отечественному читателю⁶. Авторы акцентировали внимание на том, что ядром диссидентского движения, полем пересечения интересов всех течений: политических, социально-культурных, нацио-

³ См.: *Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение: история и перестройка. Публицистические заметки.* М., 1992.

⁴ См.: *Наше Отечество. Опыт политической истории / Под. ред. проф. С. В. Кулешова.* В 2 т. М., 1991; *Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы.* М., 1991; *Они же. XX съезд КПСС и его исторические реальности.* М., 1991; *Лукин Ю. Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20 – 80-е годы).* М., 1992.

⁵ См.: *Савохина Т. Л., Зезина М. П. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму.* М., 1993.

⁶ См.: *Безбородов А. Б., Мейер М. М., Пивовар Е. И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50–80-х годов.* М., 1994.

нальных, религиозных и т.д. - являлось правозащитное движение.

В 1995 году в Москве вышел в свет фундаментальный труд М.Я.Геллера и Л. М. Некрича «Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней». Наряду с глубоким изучением социально-экономической истории в нем затронуты и вопросы формирования оппозиции в СССР, предпосылок зарождения диссидентского движения.

Центральное место в исследовании истории инакомыслия в СССР занимают труды известного российского ученого А. А. Данилова, получившие широкую известность не только в России, но и за рубежом⁷. Им обобщен огромный фактический материал, даны определения инакомыслию, диссидентству, определена классификация оппозиции, дается краткая хроника основных событий движения, содержатся глубокие научные выводы.

Своеобразным итогом научно-исследовательской работы данного периода стал выход в свет в 1995 г. в Москве коллективного исследования «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия», авторами которого явились известные отечественные ученые О. В. Волобуев, А. А. Данилов, В. В. Журавлев, В. В. Шелохаев и др. По мнению авторов, изменения, происходившие в советском обществе начиная с 1950-х годов выявили идейную, экономическую и правовую несостоятельность советской модели социализма. Однако в период «хрущевской оттепели» широко организованной оппозиции еще не было ни в «верхах», ни в «низах», и только в годы «застоя» оппозиционность впервые приобрела достаточно широкий размах и собственное лицо в диссидентском движении.

С конца 1990-х годов начался новый этап в изучении взаимоотношений власти и общества. Для него характерны попытки углубленного анализа проблемы, взвешенность оценок и выводов. Большой интерес в этой связи представляют работы Л. И. Семенниковой, А. С. Ахиезера, В. П. Булдакова, А. С. Панарина и ряда других отечественных исследователей.⁸

Своей фундаментальностью в ряду интересующих нас исследований выделяется монография Р. Г. Пихоя «Советский Союз: история власти, 1945-1991», опубликованная в Москве в 1998 году. Используя материалы Политбюро ЦК КПСС, отраслевых отделов ЦК, известный отечественный

⁷ См.: Данилов А. А. Реформы «сверху» и стагнация в обществе. 1946–1985 годы // XX век: выбор модели общественного развития. История России. Ч. 3. М., 1994. С. 107 – 160; Он же. История инакомыслия в России: Советский период 1917–1991 гг. Уфа, 1995; Он же. Утасенная конституция // Исторический архив. 1997. № 1; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001;

⁸ См.: Семенникова Л. И. Россия в мировом обществе цивилизаций. Брянск, 1986; Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997; Булдаков В. П. Революция и человек: (Методологические аспекты). Крайности истории и крайности историков. М., 1997; Панарин А. С. Рванши истории: Российская стратегическая инициатива XXI века. М., 1998 и др.

исследователь раскрыл механизм функционирования командно-административной системы, затронув также и некоторые аспекты борьбы власти с инакомыслием.

Определенный интерес представляет книга Ф. М. Бурлацкого, вышедшая в серии «Библиотека уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» в 1999 году. Ее ценность состоит прежде всего в том, что в ней представлены интервью лиц, непосредственно занимавшихся решением проблем защиты прав человека как на внутреннем, так и на международном уровне. По мнению автора, в советской оппозиции следует выделять три основных направления: собственно диссидентское движение - борьба за политическую свободу, особенно за свободу слова и убеждений; правозащитное движение; движение еврейской, армянской и иной эмиграции⁹. Ф. М. Бурлацкий считает, что правозащитное движение 1970-х годов свелось прежде всего к одной проблеме - проблеме эмиграции.

На качественно новый уровень поднято изучение данной проблемы в работах Л. А. Королевой¹⁰. В ее исследованиях рассмотрены предпосылки зарождения диссидентского движения, причины и факторы, определившие эволюцию диссидентства, география, национальный состав, политические программы оппозиции.

В изданной в 2002 году «Книге для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР» был предпринят анализ форм, методов и причин репрессивной политики советской власти, раскрыты масштабы противостояния и сопротивления этой политике различных социальных групп, общественных образований и отдельных лиц.

В последние годы ведутся исследования отдельных аспектов инакомыслия и его проявлений на региональном уровне. Так, в 1998 году в Сургуте была опубликована монография А. И. Прищепы «Инакомыслие на Урале (середина 1940-х - середина 1960-х годов)», в которой открыты многие неизвестные страницы взаимодействия власти и оппозиции в регионе.

Вместе с тем появляются работы, в которых феномен диссидентства и правозащитного движения показывается не как закономерность развития политической системы страны, а прежде всего как результат влияния «прозападных сил». Примером являются работы С. Г. Кара-Мурзы¹¹. По его мнению, советскому обществу противостоял «сложившийся в течение многих лет антисоветский проект, в котором участвовали диссиденты и советские евреи, а также некое течение в среде левой западной элиты - евро-

⁹ См.: *Бурлацкий Ф. М.* Проблемы прав человека в СССР и России (1970–80-е и начало 90-х годов). М., 1999. С. 64

¹⁰ См.: *Королева Л. А.* История советского диссидентства (40–80-е гг.) Пенза; М., 1998; *Она же.* Исторический опыт советского диссидентства и современность. М., 2001 и др.

¹¹ См.: *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2002; *Он же.* Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М., 2002.

коммунисты, которые очень быстро подчинили работу целям и задачам врага в СССР и холодной войне»¹².

Помимо монографий некоторые проблемы взаимоотношения власти и диссидентства получили отражение в ряде статей и публикаций. Среди них необходимо назвать статьи Л. Я. Гозмана и Л. М. Эткинда, М. Мейера, Л. Богораз, В. Голицына, С. Ковалева, Л. А. Королевой, А. А. Королева и др.

При всей широте спектра исследований истории диссидентства формы и методы, применяемые властью для его дискредитации и ликвидации, оставались вне поля зрения ученых. Они затрагивались преимущественно в публицистических работах.

В системе борьбы с инакомыслием особое место занимала советская уголовно-исполнительная система. В контексте изучения ее истоков, особенностей становления и функционирования значительный научный интерес представляет фундаментальная работа М. Н. Гернета «История царской тюрьмы»¹³. По замыслу, методам исследования, а также объему использованных архивных материалов она является уникальной. Несмотря на определенную идеологизированность, этот труд до сих пор остается наиболее глубоким и обстоятельным исследованием в отечественной историко-правовой науке.

В качестве другого средства дискредитации диссидентства нередко использовалась судебная психиатрия, на что в числе первых обратил внимание А. Подрабинец¹⁴, а затем английские публицисты С. Блох и П. Реддавэй¹⁵. Использование психиатрии в идеологической борьбе, социальные причины этого явления показаны в работах отечественного психиатра М. И. Буянова, а также А.С. Прокопенко¹⁶.

На рубеже 1990 - 2000-х годов история диссидентства в СССР становится предметом комплексного научного осмысления. Эта проблема становится темами диссертаций С. М. Кантемировой, С. Г. Давыдова, З. С. Нагдалиева и Л. А. Королевой¹⁷. В них предлагается определение инакомыслия и диссидентства, раскрывается их сущность, формы, состав и география, дается периодизация.

¹² См.: *Кара-Мурза С. Г. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм*. С. 153.

¹³ См.: *Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т.* М., 1961–1963.

¹⁴ См.: *Подрабинец А. Карательная медицина*. Нью-Йорк, 1979.

¹⁵ См.: *Блох С., Реддавэй П. Диагноз: инакомыслие. Как советские психиатры лечат от политического инакомыслия*. Лондон, 1981.

¹⁶ См.: *Буянов М.И. Профессия – психиатр*. М., 1991; *Он же. Скажи все, как есть*. М., 1994; *Он же. Ленин, Сталин и психиатрия* М., 1993; *Прокопенко А.С. Безумная психиатрия*. М., 1997.

¹⁷ См.: *Кантемирова С. М. Творческая молодежь России в 60-е годы: проблемы формирования и развития*. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Королева Л. А. Диссидентское движение в СССР в 60–70-е годы*. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Давыдов С. Г. Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине 60-х гг.* Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Нагдалиев З.С. Диссидентское движение в СССР (1950–1980 годы)*. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; *Королева Л. А. Власть и диссидентство*. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

Особенности правового регулирования естественных прав человека в местах лишения свободы показаны в диссертации И. В. Упорова¹⁸. Роль антиобщественных традиций и обычаев преступного мира в исправительно-трудовых учреждениях рассматривалась в диссертации В. М. Анисимова¹⁹. Несомненный интерес с историко-правовой точки зрения представляет работа М. В. Лаврентьева о Шлиссельбургской политической тюрьме и деятельности Главного тюремного управления России²⁰.

Подводя итоги историографического анализа, следует отметить, что при всем многообразии рассмотренных исследований вопросы взаимоотношений власти и правозащитного движения не получили должного научного освещения. Они ограничиваются частными фактами, отдельными сторонами этого сложного, многогранного и противоречивого явления. До сих пор вне поля зрения ученых остаются вопросы создания разветвленной системы борьбы с диссидентством, использования периодической печати, судебной психиатрии как средств дискредитации диссидентства. Отсутствуют работы, в которых раскрывалась бы роль советской уголовно-исполнительной системы в борьбе с правозащитным движением, ее оценка правозащитниками. Данная диссертация призвана восполнить эти пробелы.

Цель и задачи исследования. Цель работы - на основе конкретно-исторического изучения российского политического процесса середины 1950-1980-х годов проанализировать специфику, генезис взаимоотношения власти и движения в защиту прав человека в СССР, показать механизм и особенности борьбы властных структур с правозащитным движением.

Главная цель исследования требует решения следующих задач:

- проанализировать социально-политические предпосылки и условия возникновения движения в защиту прав человека;
- проследить эволюцию и формирование мировоззренческих основ правозащитного движения;
- раскрыть механизм противодействия властной системы правозащитному движению;
- исследовать формы нравственного сопротивления диссидентов в условиях уголовно-исполнительной системы;
- отразить видение системы исполнения наказаний СССР самими участниками движения в защиту прав человека;
- дать объективную общественно-политическую и нравственную оценку роли правозащитного движения в СССР.

¹⁸ См.: Упоров И. В. Особенности правового регулирования естественных прав человека в местах лишения свободы. Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996.

¹⁹ См.: Анисимов В. М. Антиобщественные традиции и обычаи преступного мира среди осужденных в местах лишения свободы и проблемы с ними. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

²⁰ См.: Лаврентьев М. В. Пенитенциарная система России (конец XIX – начало XX в) и Шлиссельбургская политическая тюрьма. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

Объект исследования — взаимодействие власти и общества, властных структур и диссидентства, которое рассматривается как социальный феномен в процессе исторического развития и эволюции инакомыслия.

Предмет исследования — генезис и эволюция взаимоотношений власти и правозащитного движения. Сущностное содержание и главный критерий движения — борьба за декларированные советским государством права человека и соблюдение законности. В течение двух десятилетий оно занимало центральное место среди диссидентских течений. Правозащитники впервые в советской истории поставили глобальный вопрос о понимании прав человека как необходимого ограничителя власти государства. Его идейные и нравственные принципы приоритета прав человека, гласности, свободы выбора, деунификации информации, идейного и политического плюрализма актуальны и весьма перспективны для современного российского общества.

Хронологические рамки исследования включают в себя вторую половину 1950-х - середину 1980-х годов. Именно в этот период диссидентское движение стало заметным фактором общественной жизни страны. Для более полного раскрытия темы потребовался ретроспективный анализ предпосылок зарождения общественного движения в защиту прав человека.

Источниковая база исследования. Значительная часть источников по данной проблеме до настоящего времени остается закрытой. Несмотря на процессы демократизации, радикальных изменений в этой сфере не произошло. По-прежнему действуют ведомственные инструкции, приказы, а иногда и устные распоряжения, ограничивающие доступ исследователей к источникам. Многие материалы следственных дел в отношении диссидентов, а также аналитические записки аппарата ЦК КПСС, КГБ СССР и МВД страны в силу ведомственных инструкций остаются недоступными, а в соответствии с Указом Президента России «О защите государственных секретов Российской Федерации» от 14 января 1992 года в течение 75 лет запрещена выдача дел, содержание которых может нанести моральный ущерб гражданам. Под этот пункт подпадают донесения сотрудников органов безопасности, агентурные сведения и т.д.

Кроме того, значительная часть документов была конфискована у активистов правозащитного движения при обысках, некоторые утеряны по другим обстоятельствам и сегодня недоступны даже самим репрессированным и их родственникам. Почти все архивы исправительно-трудовых учреждений до сих пор остаются ведомственными, хранение материалов в них регулируется не правилами государственного хранения, а ведомственными приказами и инструкциями. Все это в значительной степени осложнило работу автора над диссертацией.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники можно условно объединить в несколько групп.

Первую группу источников составляют архивные документы, извлеченные нами из фондов отделов пропаганды, административных органов, науки, культуры и других отделов ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Особую ценность среди них представляют материалы 1960 - 1980-х годов, документы Секретариата ЦК КПСС, записки и материалы к заседаниям, аналитические заметки, переписка с КГБ СССР по вопросам борьбы с инакомыслием в стране.

Значительный научный интерес представляет фонд 5 РГАНИ, располагающий информационными записками, справками отделов пропаганды, науки и учебных заведений ЦК КПСС, КГБ СССР, АПН, НМЛ при ЦК КПСС, Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, отчетами идеологических ведомств о работе за 1965 - 1985 годы, записками отраслевых отделов о «скандальных» книгах, публикациях, фильмах и спектаклях.

Наибольшую ценность для нас представляли уникальные документы, в которых отражены «антисоветские выступления», находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Среди них - письма, обращения в адрес высшего руководства страны с критикой существующего строя, сведения о хранении и распространении писем, листовок, стихов антисоветского содержания, создании различного рода нелегальных организаций. Ценным источником являются документы, извлеченные из сохранившихся в архиве материалов об «антисоветских проявлениях» и политических репрессиях, применяемых на основании статьи 58¹⁰ Уголовного кодекса РСФСР и зафиксированных отделом по надзору за следствием в органах государственной безопасности, Прокуратурой СССР с марта 1953 года по 1991 год (ГА РФ. Ф.Р.-8131). *ЭТИ* материалы дополнены аналогичными сведениями из фонда Верховного суда СССР (Ф.Р.-9474), рассекреченного только в последние годы. Публицистический и исследовательский бум 1990-х годов почти не коснулся этих документов. В отличие от следственных материалов надзорные дела практически не содержат секретных сведений, а также информации агентурного порядка, интимных тем и доступны для изучения.

Следует отметить, что дела лиц, отбывавших срок наказания по политическим мотивам в Дубравном УИТУ (Республика Мордовия), уничтожены. Документы, избежавшие этой участи, сохранились в двух независимых архивах - архиве Научно-исследовательского центра «Мемориал», Центре документации «Народный архив» (ЦДНА), а также в хранилищах Российской государственной библиотеки, некоторых зарубежных изданиях, немногочисленных копиях. Основная часть сохранившихся документов находится в личных архивах. Они, как правило, освещают историю фондообразователя и редко могут служить источником по истории движения в це-

лом. Кроме того, эти документы фрагментарны, разрозненны и требуют дальнейшей обработки.

В архиве «Мемориала» наиболее интересны материалы о сталинских репрессиях, в том числе материалы следственных дел, а также «Хроники текущих событий», «Хроники защиты прав в СССР», справки о реабилитации, воспоминания активистов движения. Архив «Мемориала» постоянно пополняется. За последние годы созданы десятки новых фондов из вновь поступивших документов.

В ЦДНА сосредоточены личные фонды активистов правозащитного движения, «Хроника текущих событий» и другие материалы самиздата. Однако коллекция охватывает лишь небольшую часть документов движения; многие личные фонды находятся в стадии комплектования.

Ко *второй группе источников* можно отнести нормативные акты советского государства в уголовно-исполнительной сфере, законы, регламентирующие «пределы» инакомыслия и санкции за их нарушения. В их числе весьма любопытные законопроекты, вносившиеся руководством КГБ СССР в высшие партийные инстанции с целью пресечения деятельности оппозиции. В эту группу входят такие международные документы, как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Декларация прав человека, международные Пакты по правам человека в социальной, экономической и иных сферах и ряд других правовых актов.

Третья группа источников - партийная и советская печать середины 1960-1980-х годов, в которой публиковались статьи по проблемам идеологической борьбы, репортажи судебных процессов над диссидентами и т.д. Относительно новым источником в изучении названной проблемы является региональная пресса, где публиковалась информация о судебных процессах над участниками диссидентского движения. По этим материалам возможно уточнение дат, некоторых сведений, фамилий осужденных и др.

Весьма специфическим источником является периодическая печать исправительно-трудовых учреждений, в которых отбывали сроки лишения свободы диссиденты. Анализ публикаций газеты «За отличный труд» (орган политотдела Дубравного УИТУ) свидетельствует о том, что подавляющая часть материалов была посвящена праздничным и юбилейным датам, социалистическому соревнованию, выполнению соцобязательств, «ударной» работе отрядов, «перевоспитанию» некоторых осужденных и т.д. Газета выходила с колонтитулом: «В условиях социализма каждый выживший из трудовой колее человек может вернуться к полезной деятельности». Тем не менее из ряда публикаций можно установить, кто из диссидентов отбывал здесь срок лишения свободы, выполняемую ими работу, ее условия, режим содержания и т.д.

Четвертую группу источников составляет самиздат — способ неподцензурного распространения идей и информации. Это информационные, художественные, поэтические, научные, мемуарные

художественные, поэтические, научные, мемуарные материалы, выполнявшиеся с помощью подручных средств и распространяемые самими диссидентами.

Основную массу самиздатовской продукции составляли машинописные тексты: литературные и публицистические произведения, воспоминания, письма и обращения в ЦК КПСС, Правительство, Генеральную прокуратуру СССР, протокольные записи судебных заседаний над диссидентами, листовки и т.д. Авторы и распространители самиздата принадлежали большей частью к интеллигенции и студенчеству. В 1960-1970-х годах самиздат стал своего рода рупором движения в защиту прав человека.

Важнейшим самиздатовским источником, его своеобразной летописью была «Хроника текущих событий» (ХТС). Она выходила с 1968 по 1984 год (всего 64 выпуска) и была единственным постоянным информационным бюллетенем движения. «Хроника» освещала события, сводя редакционный комментарий к минимуму. В ней фиксировались факты, ход судебных процессов, внесудебные преследования инакомыслящих, а также сведения об условиях содержания заключенных, о деятельности правозащитных групп на Украине, в Литве, Грузии. ХТС обычно выходила через каждые два-три месяца, за исключением возникшего в результате преследований годичного перерыва (с конца 1972 по начало 1974 года). Ряд ее сведений требует уточнения, так как иногда они передавались устно, через двойные и даже тройные каналы.

На многие неизвестные стороны движения проливают свет материалы судебных процессов над правозащитниками, опубликованные как за рубежом, так и в последние годы в российских издательствах²¹. В эту группу можно отнести также и опубликованное в самиздате «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» С. Глузмана и В. Буковского.

Для нас значительный интерес представлял самиздатовский сборник «Вести из СССР. Права человека» под редакцией К. Любарского, эмигрировавшего из СССР в 1997 году, а также сборник «СССР. Внутренние противоречия», который выходил в США и помещал статьи об оппозиционных настроениях в различных регионах СССР, о положении осужденных по политическим мотивам. Авторами публикаций были известные отечественные ученые-эмигранты, активисты правозащитного движения и др.

Пятую группу составляют воспоминания и мемуары диссидентов, а также современников изучаемой эпохи. В начале 1970-х годов, когда тема о правах человека в СССР приобрела международный резонанс, исповеди диссидентов и правозащитников стали широко издаваться в западных средствах массовой информации. Воспоминания, как никакой другой до-

²¹ См.: Процесс цепной реакции / Сборник документов по делу Ю. Т. Галанскова, А. И. Гинзбурга, А. А. Добровольского, В. И. Лашковой. Франкфурт-на-Майне, 1971; Цена метафоры, или Преступление и наказание Синаяского и Даниэля. М., 1990.

кумент, субъективны и несут на себе отпечаток мировоззрения автора, его личных мыслей и чувств. В этой связи представляют интерес мемуары А. Аджубея, С. Аллилуевой²², писателей-диссидентов Р. Орловой и Л. Копелева, а также Г. Арбатова, Н.С. Хрущева²³ и др.

Интересная информация о становлении движения в защиту прав человека содержится в трудах А. Д. Сахарова²⁴. Свою лепту в восстановление многих событий, фактов становления правозащитного движения внесла и Е. Г. Боннэр. Своеобразные литературно-художественные образы эпохи отражены в воспоминаниях М. Я. Геллера «Российские заметки. 1969-1979» (М., 1999) и «Российские заметки. 1980-1990» (М., 2001). В результате сложилась своеобразная летопись эпохи, представляющая немалую научную и познавательную ценность.

В лагерной мемуаристике особое место занимает эссе В. Мороза «Репортаж из заповедника имени Берия». В нем повествуется о судьбе диссидента, режиме содержания, нравственной атмосфере в колониях для осужденных по уголовным и политическим делам Дубравлага (Мордовия). Ряд интереснейших зарисовок о пребывании в «Дубравном» содержится в воспоминаниях Э. Кузнецова²⁵ и А. Марченко²⁶. О некоторых особенностях лагерной жизни в одной из тюменских колоний свидетельствовал В. Делоне - праправнук коменданта Бастилии²⁷.

Много подробностей из жизни и быта женской политзоны Дубравлага содержится в воспоминаниях И. Ратушинской²⁸. Эти воспоминания ценны описанием не только повседневной жизни женщин-политзаключенных, но и их повседневной борьбы за свои человеческие права. Немало интересных сведений о сопротивлении с властью, администрацией мест лишения свободы дают воспоминания Г. Подъяпольского, И. Менделевича, А. Амальрика, Н. Щаранского²⁹.

В диссидентской мемуаристике особое место принадлежит воспоминаниям В. Буковского. В центре его внимания - проблемы противостояния личности и системы, человека и всемогущего государства³⁰. В воспоминаниях генерала П. Григоренко, Л. Плюща, Е. Николаева, В. Новодворской содержится значительное количество сведений об узниках, прошедших

²² См.: *Аджубей А. И.* Те десять лет. М., 1989; *Аллилуева С.* Только один год. М., 1990.

²³ См.: *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве 1956 – 1980. М., 1990. *Арбатов Г. Затянувшееся выздоровление: 1953-1985.* М., 1991. *Хрущев Н. С.* Воспоминания. М., 1997

²⁴ См.: *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М., 1991; *Он же.* Воспоминания. В 2 т. М., 1996.

²⁵ См.: *Кузнецов Э.* Мордовский марафон. М. Иерусалим, 1979.

²⁶ См.: *Марченко А.* Мои показания. М., 1991.

²⁷ См.: *Делоне В.* Портреты в колючей раме. Лондон, 1984.

²⁸ См.: *Ратушинская И.* Серый цвет надежды. Лондон, 1989.

²⁹ См.: *Подъяпольский Г.* О времени и о себе. Франкфурт-на-Майне, 1978; *Менделевич И.* Операция «свадьба» Иерусалим, 1987; *Амальрик А.* Записки диссидента. М., 1991; *Щаранский Н.* Не убоюсь зла. М., 1991.

³⁰ См.: *Буковский В.* И возвращается ветер... М., 1990; *Он же.* Московский процесс. М., 1996.

следственные изоляторы, тюрьмы и специальные психиатрические больницы³¹.

Официальное отношение к диссидентскому и правозащитному движению отражают воспоминания Ф. Д. Бобкова, одного из руководителей КГБ СССР, прослужившего в органах государственной безопасности 45 лет³².

В конце 1980 - середине 1990-х годов появилось значительное количество статей журналистов, интервью участников правозащитного движения, адвокатов, защищавших диссидентов на судебных процессах. Это статьи В. Абрамкина, адвокатов С. Каллистратовой, Д. Каминской, журналистов В. Елина, А. Лапина, А. Плутника, О. Русаковой, О. Сокольского, Ю. Кашлева, Ю. Феофанова, А. Феклисова и др. Наполненные публицистическим пафосом и критическим запалом, они помогают глубже понять отдельные стороны взаимоотношений власти и оппозиции, пороки отечественной уголовно-исполнительной системы.

К этой же группе источников можно отнести сборники публицистических эссе, заметок самих диссидентов, в которых, как в зеркале, отражались их взгляды, личностное отношение к происходящему³³. Диссидентская литература достаточно обширна и разнопланова. Ее изучение требует дальнейших усилий историков, правоведов, философов и критиков.

Этот далеко не полный перечень источников дополняют нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, медицинских и других учреждений, интервью с участниками описываемых событий, материалы личных архивов руководителей подразделений Учреждения ЖХ-385. Разумеется, названные источники не являются исчерпывающими. Но и они дают основу для всестороннего исследования проблемы.

Методологическая основа диссертации. В своем исследовании мы руководствовались разработанными научными теориями прав человека и правового государства, сравнительно-историческим, проблемно-хронологическим, интегративным и структурно-функциональными методами, а также принципами объективности и историзма, корректности в оценке фактов и явлений, памятуя о том, что одной из особенностей самого правозащитного движения была его преимущественно нравственная составляющая.

³¹ См.: Григоренко П. Мысли сумасшедшего. Амстердам, 1973; *Он же*. Наши будни. Нью-Йорк, 1977; *Он же*. В подполье можно только крыс. Нью-Йорк, 1987; *Плюц Л.* На карнавале истории. Лондон, 1979; *Николаев Е.* Предавшие Гиппократу, Лондон, 1984. *Новодворская В.* По ту сторону отчаяния. М., 1993; *Она же*. Над пропастью во лжи. М., 1998.

³² См.: *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 4.

³³ См.: Из-под глыб: Сб. ст. Париж, 1974; М., 1992; Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994; *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. Лозанна, 1976; *Он же*. Желтый дом. Лозанна, 1980; *Он же*. Коммунизм как реальность. М., 1996 и др.

В процессе исследования мы опирались на теоретические положения, разработанные в трудах Н. И. Кареева и В. О. Ключевского, давших классический пример применения цивилизационного подхода к изучению всемирной и отечественной истории, видевших в историческом знании прежде всего историю мыслей и чувств.

Методологической основой диссертации является концептуальное положение А. А. Данилова о том, что на характер движения инакомыслящих в России решающее воздействие оказали два момента - гипертрофированная роль государства и особенности менталитета россиян. По его мнению, на российское инакомыслие на современном этапе влияют ряд следующих особенностей: «подчинение людей власти,... но сохранение при этом собственного мнения; природное смирение россиян и при этом жесточайшие расправы над представителями власти во время бунтов; самопожертвование;... отрицание ценности личности; несоблюдение принятых законов; отчуждение власти от общества;... коллективизм»³⁴.

Другим основополагающим моментом послужила концепция Л. А. Королевой о том, что спецификой инакомыслия в СССР являлось чрезвычайно мифологизированное общественное сознание, которому присуще упрощенное и в то же время целостное мировосприятие³⁵. Подчеркивая эту особенность Н. А. Бердяев писал, что для коммуниста «мир резко разделяется на два противоположных лагеря... царство света и тьмы без всяких оттенков»³⁶. Данный тип сознания крайне авторитарен - сомнения и самостоятельный поиск истины исключены абсолютно. Любое инакомыслие, диссидентство априорно расцениваются как крамола, в лучшем случае — ересь. Важной методологической посылкой явилась идея М. Н. Гернета: «Тюремная политика - очень большая и важная часть уголовной политики, а эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства,... ярко отражается на организации всей карательной системы и в особенности мест лишения свободы, на режиме и составе заключенных»³⁷.

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертации раскрываются сложнейшие проблемы взаимоотношения власти и диссидентства, властных структур и правозащитного движения в период системного кризиса политического режима. Научная новизна обусловлена выбором объекта и предмета исследования. Как видно из историографического обзора, обстоятельной научной разработки эта проблема не получила, а в

³⁴ Данилов А. А. История инакомыслия в России. Советский период. 1917 – 1991. Уфа, 1995. С. 5.

³⁵ См.: Королева Л. А. Исторический опыт советского диссидентства и современность. М., 2001. С. 26.

³⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма М., 1990. С. 149.

³⁷ Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. Т. I. М., 1960. С. 49.

рамках обозначенного периода и под таким углом зрения вообще не рассматривалась.

Новизна работы состоит и в том, что в ней впервые предпринято целостное комплексное исследование истории взаимоотношений власти и движения в защиту прав человека в тот период, когда зримо проявились симптомы кризиса советской политической системы. В диссертации также достаточно широко показана взаимосвязь политики хрущевской «оттепели» с возникновением диссидентских настроений в советском обществе, процессов ресталинизации общественно-политической жизни и становления движения в защиту прав человека. Особое внимание при этом обращено на формирование мировоззренческих основ правозащитного движения.

Специальному рассмотрению подвергнут инструментарий дискредитации и подавления правозащитного движения в стране. Впервые дается аргументированная характеристика отношения высших органов партии и советского государства к диссидентству; показана роль периодической печати в дискредитации правозащитного движения. Кроме того, в диссертации открыта долгое время тщательно скрывааемая практика использования судебной психиатрии против инакомыслия.

Автор счел необходимым провести ретроспективный анализ становления советской уголовно-исполнительной системы, показать нравственное сопротивление правозащитников в местах лишения свободы, их видению системы исполнения наказаний.

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты в условиях политического плюрализма могут быть использованы при разработке концепции взаимодействия власти и общества, властных структур и оппозиции. В условиях, когда мировое сообщество рассматривает права человека и их защиту в качестве универсального идеала, основы прогрессивного развития и процветания, фактора устойчивости и стабильности, они послужат поиску оптимальных моделей взаимоотношений государства и личности.

Материалы исследования также могут быть использованы при разработке новых лекционных курсов и учебной литературы по отечественной истории.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В период хрущевской «оттепели» значительно обострились противоречия между изменившимся общественным сознанием и политическим режимом, сохранившим многие атрибуты тоталитаризма. Разочарование в политике власти дало мощный импульс развитию инакомыслия, открыто заявившего о своем неприятии официального политического курса. Системный кризис, охвативший все структурные элементы политической системы, процесс ресталинизации, нарушения прав человека, Конституции СССР, международных документов по правам человека, запрет на свободу

творческого свободомыслия объективно привели к возникновению движения в защиту прав человека.

2. Процесс эволюции правозащитного движения, от первых «петиционных» кампаний до создания правозащитных ассоциаций, свидетельствовал о качественно новых задачах движения. В этом процессе выкристаллизовывались его мировоззренческие принципы: неприятие политики, защита прав человека легальными средствами, право на свободу нравственного, идеологического выбора. В движение приходили разные люди по различным причинам, однако в большинстве своем они искренне стремились к изменению жизни к лучшему. Несмотря на относительную малочисленность, правозащитное движение во многом изменило политический климат в стране.

3. Активизация движения способствовала созданию широко разветвленной системы борьбы власти с диссидентством, включающей широкий комплекс организационных мер - от изменения структуры КГБ, проведения Пленумов ЦК КПСС, партийных комитетов на местах до идеологических мероприятий, внесудебных преследований, применения судебной психиатрии в борьбе с инакомыслием и др.

4. В борьбе с диссидентством немаловажную роль играли СМИ и особенно периодическая печать. Это связано с тем, что в СССР, как нигде, печатное слово являлось наиболее авторитетным. Диссиденты и правозащитники были представлены обществу партийной советской печатью не как искренне желавшие позитивных перемен, а как тунеядцы, агенты западных спецслужб, а подчас и просто психически больные люди. В результате мощного идеологического прессинга, идеологическая направленность которого определялась властными структурами, немалая часть советских людей находилась под влиянием официальной информации.

5. В рамках государственной охранительной политики особое место принадлежало судебной психиатрии, случаи применения которой были далеко не единичны. Правда, практика подобной расправы с диссидентами не стала массовой благодаря вмешательству самих правозащитников и демократически настроенной общественности за рубежом.

6. При всем многообразии средств расправы с правозащитниками уникальную роль играла советская уголовно-исполнительная система, режим содержания в которой, питание, условия труда, межличностные отношения отнюдь не способствовали задачам перевоспитания. На нарушения элементарных личных прав в местах лишения свободы диссиденты отвечали голодовками, забастовками, письмами протеста, обращениями в высшие правительственные инстанции СССР и за рубежом, отказом от советского гражданства. Нередко в этом противостоянии они теряли свое здоровье, а иногда и жизнь. Места лишения свободы оказывали крайне негативное влияние на здоровье и психическое состояние осужденных. Система еще

больше деформировала личность, ибо основной ее целью являлось возмездие, а не создание социально-психологических условий для исправления осужденных.

7. Реакция власти на правозащитное движение была агрессивно-оборонительной, а система их взаимоотношений представляла собой «улицу с односторонним движением», в основе которой находился не поиск взаимного сотрудничества и консенсуса, а запрет любого инакомыслия, оказывавшего, с точки зрения властей, негативное воздействие на умонастроения советских людей.

Апробация работы. Материалы исследования опубликованы автором в монографии «Власть и правозащитное движение в СССР», периодических изданиях, рекомендуемых ВАК, а также были обсуждены на международных Бахтинских чтениях в Саранске, межрегиональных научных конференциях в Москве, Казани, Калуге, Чебоксарах и ряде других городов. Материалы исследования широко используются на постоянно действующих курсах повышения квалификации сотрудников органов и учреждений Министерства юстиции РФ, при подготовке лекций и методических пособий для студентов высшей школы.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 8 разделов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется историография проблемы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, его хронологические рамки, дается обзор источниковой базы, формулируются методологические подходы, показывается научная и практическая значимость работы, отражаются основные положения, выносимые на защиту.

В первом разделе **«Влияние политики «оттепели» на возникновение диссидентских настроений»** анализируются социально-экономические, политические и правовые предпосылки возникновения диссидентских настроений в советском обществе.

Послевоенный период, когда надежды фронтовиков улучшить жизнь оказались тщетными, отличался ростом критических настроений. Политическая система страны, разгромившей фашизм, оставалась неизменной. В обстановке обнажившихся противоречий между патриотическим настроением народа-победителя и тоталитарным режимом появились ростки сомнений, переросшие затем в недоверие к официальной власти.

Наиболее остро необходимость перемен ощущали студенчество и учащаяся молодежь. В конце 1940-х - начале 1950-х годов в ряде городов

возникли молодежные оппозиционно настроенные группы, участники которых, как правило, подвергались аресту и осуждению на длительные сроки лишения свободы. В декабре 1953 года в исправительно-трудовых лагерях страны по статье «Контрреволюционная деятельность» отбывали сроки наказания более 475 тысяч осужденных, среди которых было немало молодежи³⁸.

Одними из самых существенных признаков данного периода явились надлом в общественном сознании, изменения в социальной и нравственной атмосфере общества. Своеобразной отдушиной становится поэзия. Это связано с тем, что во второй половине 1950-х годов стали издаваться стихотворения ранее запрещенных, репрессированных поэтов А. Ахматовой, М. Волошина, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Цветаевой и др.

Немаловажную роль в изменении общественного сознания в эти годы сыграло и приоткрытие «железного занавеса». Информационный и культурный взаимообмен, несмотря на ограниченность и подконтрольность со стороны властей, дал возможность многим гражданам ознакомиться с культурными и духовными ценностями западного мира. Благодаря этому будущие диссиденты получили совершенно новое представление о зарубежном гражданском обществе.

Изменение политического, нравственного климата в обществе И. Эренбург назвал «оттепелью». Его апофеозом стала публикация книги А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», получившая огромное общественное звучание. Однако политика руководства страны оставалась крайне непоследовательной, особенно в проведении реабилитации жертв политических репрессий. Надежды на либерализацию общественного строя не оправдались. Противоречия между провозглашенным курсом на развитие демократии и авторитарной политикой власти вызывали раздражение в обществе.

Недовольство проявлялось в самых различных формах — критики политики руководства страны на партийных собраниях, возникновении нелегальных групп, негативного отношения критически мыслящей части общества к вводу советских войск в Венгрию и т.д. Значительное влияние на умонастроения людей оказал самиздат. В числе самиздатовских выпусков были такие журналы, как «Политический дневник» Р. Медведева, «Феникс» Ю. Галанскова, «Бумеранг» В. Осипова, «37» В. Кривулина и Т. Горячевой, «Часы» Б. Иванова. Самиздатом распространялась информация о преследованиях по политическим мотивам, о проявлениях общественного протеста, положении политзаключенных и т.д. Самиздат содействовал формированию мировоззренческих основ диссидентского движения, его консолидации.

³⁸См.: Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2. С. 297.

Следует подчеркнуть, что с критикой политического режима выступила не только демократическая часть творческой интеллигенции. По нашим (далеко не полным) подсчетам, в 1956 году, в самом начале «оттепели», по статье 58 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда» было арестовано не менее 120 человек. В 1957 году, во время расцвета «оттепели», по той же статье был осужден 1091, а в 1958 - 682 гражданина страны³⁹.

Нарастающее недовольство выражалось в самых различных формах - в распространении антисоветских листовок, создании антисоветских организаций в местах лишения свободы, публичных выступлениях с критикой властей. В начале 1960-х годов число антисоветских выступлений резко возросло. В отчете Председателя КГБ СССР А. Н. Шелепина в ЦК КПСС сообщалось, что за первое полугодие 1962 года было издано и распространено в 2 раза больше листовок и писем антисоветского содержания по сравнению с соответствующим периодом 1961 года. За то же время Комитету госбезопасности удалось обнаружить 60 антисоветских групп, тогда как за весь 1961 год - 47⁴⁰.

Ответной реакцией стала резкая активизация политического сыска. 19 июля 1962 года Президиум ЦК КПСС принял Постановление о работе КГБ, в котором намечались «меры по устранению имеющихся недостатков». В приказе Председателя КГБ А. Н. Шелепина, приложенном к Постановлению ЦК, намечались меры по «повышению бдительности в отношении к подстрекателям массовых беспорядков и изоляции авторов антисоветских листовок и писем». Проведенное исследование со всей очевидностью показывает, что именно в период «оттепели» обнажилась пропасть между общественным настроением и практикой всемогущего Левиафана.

Во втором разделе **«Ресталнизация общественно-политической жизни и возникновение движения в защиту прав человека»** рассматривается курс Н. С. Хрущева на осуществление реформ. В силу своей непоследовательности он быстро утратил динамизм, а его лидер - престиж. Уход с политической арены в октябре 1964 года партийного реформатора и появление во власти новой генерации руководителей способствовали свертыванию либеральных начинаний партийного руководства. Исподволь стали восстанавливаться «выдающиеся заслуги» Сталина и практика сталинизма. В средствах массовой информации постепенно исчезали проблемы культа личности и жертв репрессий. Незначительная часть общества, прежде всего партийно-хозяйственная номенклатура, генералитет, высшие офицеры, многие сотрудники органов госбезопасности, приветствовала неосталинистские тенденции. Тем не менее полное возрождение сталиниз-

³⁹ ГАРФ, ф. 8131, оп. 31.

⁴⁰ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. М., 1998. С.243.

ма было невозможным, и последователи «великого вождя» вынуждены были считаться с изменениями, происшедшими в общественном сознании, хотя нетерпимость к инакомыслию оставалась прежней, а борьба с ним обставлялась видимостью соблюдения формальных сторон судопроизводства.

Брежневский курс отличался отказом от преобразований в духовной сфере периода «оттепели», неудачными попытками реформирования в экономике, расцветом демагогии. В настроениях граждан утверждались конформизм, инертность, разочарование в ценностях социализма.

Одной из первых изменение политического курса ощутила на себе творческая интеллигенция. Издательствам и редакциям запрещалось печатать уже принятые к публикации художественные произведения. Именно тогда были написаны, но оказались неопубликованными произведения А. Бека, Г. Владимова, воспоминания Е. Гинзбург, А. Ахматовой, О. Берггольц, Н. Коржавина, Б. Слуцкого, работы А. Солженицына и др. Произведения, отвергнутые официальными органами печати, оказывались в самиздате и тамиздате (т. е. за границей).

Власти крайне негативно реагировали на это. Публичному шельмованию подвергся Б. Пастернак, напечатавший «Доктора Живаго» за рубежом, а затем и В. Тарсис, издавший «Палату № 7» за пределами страны и помещенный за это в психбольницу. Истории с Б. Пастернаком, В. Тарсисом не были единичными. До середины 1960-х годов многие литераторы публиковали свои произведения за рубежом, оставаясь безнаказанными. Власти решили положить этому конец. Первой крупной акцией, ознаменовавшей поворот к неосталинизму, был арест московских литераторов А. Синявского и Ю. Даниэля. Они были арестованы в сентябре 1965 года за публикацию своих произведений за рубежом. Власти усмотрели в их работах завуалированную антисоветскую направленность.

На защиту литераторов встала московская интеллигенция. 5 декабря 1965 года у памятника Пушкину собралось около 200 человек, которые требовали гласности суда. Около 30 демонстрантов были задержаны сотрудниками органов внутренних дел. Эта акция была первым в послевоенное время несанкционированным выступлением в защиту гражданских прав, актом зарождения движения в защиту прав человека. Формально митинг не был антисоветской акцией, однако по существу означал открытый протест в рамках закона против ареста писателей, против нарушений гражданских прав. Позднее этот фактор станет определяющим в формировании мировоззренческих основ движения.

Судебный процесс тщательно готовился на самом высоком уровне - в его результатах были заинтересованы Секретариат ЦК КПСС, Генеральная прокуратура, КГБ СССР. В период подготовки суда над Синявским и Даниэлем средства массовой информации развернули кампанию открытого шельмования писателей с целью подготовки общественного мнения к их

осуждению. Однако на защиту арестованных поднялся цвет интеллигенции страны - Б. Ахмадулина, В. Иванов, П. Антокольский, Ю. Нагибин, Б. Окуджава, К. Паустовский и многие другие. В партийные государственные инстанции писали жены арестованных, друзья и просто незнакомые люди. Тем не менее суд на своем последнем заседании 14 февраля 1966 года признал Синявского и Даниэля виновными в «подрыве государственного и общественного строя» и вынес приговор: Синявскому - 7 лет заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима, Даниэлю - 5 лет лишения свободы.

Судебный процесс развеял последние надежды интеллигенции на сохранение остатков политики «оттепели». Власть дала жестко понять, что с хрущевскими «играми в либерализм» покончено и она не допустит инакомыслия, ведущего к подрыву «идейно-политического единства» советского общества. Суд над литераторами продемонстрировал возврат к сталинским методам решения идеологических разногласий. Однако приговор, вынесенный в отношении писателей, вызвал неоднозначную реакцию в обществе: одна часть поддержала его, другая - относительно небольшая группа интеллигенции — резко осудила. 62 известных советских поэта, писателя обратились в высшие органы власти в стране, редакции газет, журналов с осуждением судебного процесса. С этого времени коллективные письма руководству страны становятся наиболее распространенной формой протеста. Таким образом, процесс Синявского - Даниэля дал мощный импульс развитию движения в защиту прав человека и повысил интерес к вопросам правоприменительной практики в стране.

Реакция власти на активизацию диссидентского движения была более чем «адекватной». В сентябре 1966 года Верховный Совет РСФСР принял Указ о дополнениях Уголовного кодекса РСФСР статьями 190¹, 190², 190³, две из которых имели непосредственное отношение к открытым общественным выступлениям. Новые статьи УК предоставляли правоохранительным органам «законное» основание для разгона несанкционированных митингов, демонстраций и привлечения организаторов и участников этих акций к уголовной ответственности. Под уголовное преследование попадали авторы и распространители самиздата, а также рассказчики «политических» анекдотов, новостей, почерпнутых из неофициальных источников, и др.

Принятие этих антидемократических статей существенно ограничило возможности выражения протеста против нарушения прав человека. В качестве «реализации» статей Указа в январе 1967 года за публикацию «Белой книги» по делу Синявского и Даниэля арестовываются А. Гинзбург и Ю. Галансков, составившие сборник материалов политического самиздата, а также А. Радзиевский, А. Добровольский и В. Лашкова, помогавшие составителям тамиздатовских сборников. Ответом на аресты стали демонстрации диссидентов в Москве с требованием освобождения арестованных.

Организаторами их были В. Хаустов и И. Габай, которые несколько позднее также будут осуждены на длительные сроки лишения свободы.

Основным средством защиты прав преследуемых в этот период были индивидуальные и коллективные письма и обращения в высшие органы власти. По некоторым оценкам, под ними подписались 738 человек. 45% подписавших документы протеста - представители науки, 22 - искусства, 13 - инженерно-технические работники, 9 — учителя, врачи, 6 - рабочие, 5% - студенты. В мемуарной литературе чаще называется цифра в 1500 человек. Л. Богораз, В. Голицын и С. Ковалев, подтверждая эту цифру «подписантов», подчеркивают, что не берут в расчет все другие активные и пассивные формы выражения солидарности с участниками движения⁴¹.

Число участников движения в защиту прав человека было достаточно внушительным. Так, за антисоветскую пропаганду и агитацию в период 1959-1974-х годов к уголовной ответственности было привлечено 2832 человека. В 1963-1966 годах на различные сроки лишения свободы были осуждены 502 гражданина, затем их число стало снижаться: в 1967-1970 годах - 371, в 1971-1974 годах - 348 человек⁴². Если иметь в виду, что лиц, обратившихся в различные инстанции с выражением несогласия, обычно к уголовной ответственности не привлекали, ограничиваясь административными мерами, то число участников движения существенно увеличится.

С диссидентами, которых по советскому законодательству нельзя было привлечь к уголовной ответственности, органы госбезопасности проводили так называемую профилактическую работу. Она предусматривала комплекс мер: от предупреждения и угроз до товарищеских судов, административных взысканий, увольнений с работы, исключений из партии, комсомола, вузов и т.д. Причинами «профилактики» были чтение запрещенных изданий, «политически вредные» встречи с иностранцами и другие действия, не содержавшие преступного умысла. С 1967 по 1974 год было «профилактировано» 133036 граждан, а соотношение осужденных и «профилактированных» граждан составило 1 : 96⁴³.

Как показывает исследование, значение правозащитного движения определялось не столько количественными, сколько другими составляющими, в частности его влиянием на общий политический климат в стране. Основной формой движения и связанных с ним выступлений в защиту прав человека были «петиционные» кампании. Они явились одним из наиболее крупных и влиятельных направлений протеста против нарушений прав граждан. Побудительным мотивом выражения недовольства служили неосталинистские тенденции в политике властей. Противоборство антидемо-

⁴¹ См.: Погружение в трясину. (Анатомия застоя). М., 1991. С. 51.

⁴² См.: Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 365.

⁴³ Там же. С. 365 – 366.

кратической и либеральной тенденций проходило в помещениях судов, на митингах, в редакциях газет и журналов, на кафедрах университетов, в кабинетах ученых, на сценических площадках.

В разделе **«Эволюция и формирование мировоззренческих основ правозащитного движения»** анализируются социальные и нравственные аспекты становления и развития движения в защиту прав человека в период усиления консервативных тенденций в политической сфере. По мере свертывания процессов десталинизации и нарастания неудовлетворенности в обществе возникали ростки «антисистемы», одним из которых явилось правозащитное движение. Важным этапом в формировании его мировоззренческих основ был период конца 1960-х - начала 1970-х годов, совпавший с «Пражской весной» и погружением политической жизни в состояние стагнации.

Как показывают проанализированные нами источники, требования защиты конституционных свобод, демократии выдвигались не только в Москве, но и в ряде других городов. Так, например, в середине 1960-х годов в Горьковском университете почти открыто читали запрещенные рукописи, распространялась самиздатовская литература, расклеивались листовки с требованием демократических свобод, реабилитации осужденных по процессам конца 1930-х - начала 1950-х годов, и др.

Различную реакцию в советском обществе вызвали события 1968 года в Чехословакии. Широкую известность получила демонстрация протеста 25 августа 1968 года против ввода войск стран Варшавского Договора на территорию суверенного государства. Среди протестовавших были и 95 видных деятелей советской культуры, которые обратились в Верховный Совет СССР с письмом осуждения акции советских властей. Можно привести многочисленные примеры выступлений в различных регионах страны.

В связи с отсутствием формальных структур основной консолидации движения стали каналы распространения самиздата. Объем самиздатовской продукции в конце 1960-х годов значительно увеличился: в нем стали преобладать материалы не литературного, а политического характера - статьи, очерки, трактаты. Появились и новые виды самиздата. Среди них - «Хроника текущих событий», которую спустя несколько лет А. Сахаров назвал самым большим достижением движения.

«Хроника» вышла в свет в апреле 1968 года - в разгар репрессий против «подписантов» - и стала одним из важнейших источников информации о нарушении прав человека в СССР, о правозащитных выступлениях и т.д. Постоянной темой издания было положение политзаключенных. Вести из мест лишения свободы печатались в каждом выпуске в рубриках «Владимирская тюрьма», «В мордовских лагерях», «В пермских лагерях». По

самиздатовскому принципу была налажена и материальная помощь политзаключенным, которая стала предметом заботы правозащитников.

Активизация правозащитной деятельности сопровождалась усилением репрессий против инакомыслящих. Ответом на него стало возникновение в 1969 году качественно нового для советской политической жизни явления - первой правозащитной ассоциации, получившей название «Инициативная группа защиты прав человека в СССР». Ее деятельность сводилась главным образом к расследованию фактов нарушения прав человека, требованиям освободить «узников совести» из колоний и спецпсихбольниц. Данные о нарушении прав человека отправлялись в ООН и международные гуманитарные организации. Опыт группы способствовал созданию в правозащитном движении ассоциаций в ряде союзных республик и свидетельствовал о новом этапе его развития.

По нашему мнению, для данного этапа был характерен поиск его активистами путей совершенствования социалистического строя. Так, А. Сахаров, В. Турчин, Р. Медведев в письме руководству страны от 19 марта 1970 года отмечали необходимость глубокой демократизации общественной жизни в стране, укрепления социалистического строя, сохранения и упрочения руководящей роли партии. Авторы письма видели причины отставания СССР от западных стран не в политической системе, а в чуждых социализму антидемократических традициях и нормах общественной жизни, сложившихся в сталинский период. В письме подчеркивались возрастающая роль интеллигенции и необходимость расширения свободы информации и творчества во избежание противостояния интеллигенции и власти. Будущее страны ученые видели в обновлении на путях конвергенции, т.е. синтеза позитивных свойств капитализма и социализма⁴⁴.

Начало 1970-х годов отмечено серией арестов правозащитников в Москве и ряде других городов страны. В результате ужесточения преследований с конца 1972 года движение некоторое время переживало кризис. Среди избежавших ареста, ушедших в подполье диссидентов возникло сомнение в успешности борьбы. Оставшиеся на свободе правозащитники использовали все возможности для помощи политзаключенным, например, создали благотворительную организацию «Группа 73», помогавшую детям осужденных. В ней были и известные ученые, в частности академик М. А. Леонтович.

Несмотря на преследования, активисты движения в 1974 году возобновили деятельность Инициативной группы защиты прав человека, которую возглавил А. Сахаров, ставший нравственным и духовным авторитетом диссидентского движения. Возрождение группы свидетельствовало о пре-

⁴⁴ Хроника текущих событий 1970 Вып 13 С 391

одоления кризиса. В этом же году появилась новая правозащитная организация - Советское отделение «Международной амнистии».

После подписания Хельсинских договоренностей профессор Ю.Ф.Орлов 12 мая 1976 года объявил о создании в СССР Группы содействия Хельсинским соглашениям (вскоре ее стали называть Московской Хельсинской группой). Появление такой группы было началом нового периода, получившего название «хельсинский». Затем возникает Рабочая комиссия по расследованию фактов использования психиатрии в политических целях. В 1979 году была образована группа «Право на эмиграцию». Вслед за ней появляются другие группы и комитеты в защиту прав человека.

Вторая половина 1970-х годов ознаменовалась признанием международной демократической общественностью правозащитного движения в СССР в качестве основной силы, противостоящей нарушениям прав человека в стране. В конце 1970-х годов начинается очередная серия беспрецедентных репрессивных мер, приведших к аресту многих активистов движения и вынужденной их эмиграции. Осенью 1982 года движение фактически перестало существовать. Уже в период «перестройки» на смену правозащитным организациям приходят «политические клубы», а затем «народные фронты» — ростки зарождавшейся многопартийной системы.

В процессе формирования мировоззренческих основ правозащитного движения выкристаллизовывались его особенности, отличные от других форм диссидентства. Оно носило нравственный, а не политический характер и исходило из принципов признания безусловной ценности человеческой жизни. Важную роль играл и принцип гласности, предполагавший отказ от анонимности выступлений. Именно поэтому преобладали не анонимные листовки, а заявления и петиции с личными подписями. Большинство лиц, примкнувших к правозащитному сообществу, искренне стремились усовершенствовать политическую систему. Значительная их часть состояла в КПСС и считала своим партийным долгом открыто высказывать собственное мнение. Советский строй, в основе которого лежала догматическая модель социализма, воочию показывал неспособность к саморазвитию и самосовершенствованию, а власть не желала разделять ни образ мышления, ни мировоззренческие принципы участников движения за права человека.

Бесспорным, на наш взгляд, является то, что впервые в отечественной истории сложилось и выдержало многие испытания движение общественного протеста. В интервью газете «Вашингтон пост» 22 февраля 1980 года А. Сахаров отметил, что «...нравственное значение сформировавшегося в середине 1960-х годов движения за права человека в СССР, при всей его малочисленности и подчеркнутой аполитичности, - огромно. Оно изменило нравственный климат и создало духовные предпосылки для демократических изменений в СССР и формирования идеологии прав человека во

всем мире»⁴⁵. Многих необычных и талантливых людей лишилось российское общество, которые так и не получили возможности для конструктивной работы на благо общественного обновления.

В четвертом разделе «**Отношение высших органов партии и государства к диссидентству**» анализируется процесс создания властной системы борьбы с инакомыслием. По мнению автора, «социалистическая концепция» прав человека, в основе которой находились прежде всего права и интересы классов, радикальным образом отличалась от подлинно демократического понимания, что во многом предопределило характер противостояния советской власти и диссидентства.

На всем протяжении изучаемого периода отношение к диссидентству со стороны Политбюро ЦК КПСС, партийных и государственных органов на местах было жестким и бескомпромиссным. Об этом свидетельствуют материалы высших органов КПСС, Пленумов ЦК и областных комитетов партии, деятельность силовых ведомств и т.д. После смены в мае 1967 года руководства КГБ СССР его Председателем становится Ю. В. Андропов, меняется структура органов безопасности. Для борьбы с внутренней оппозицией и диссидентством создается «Пятое управление», ужесточаются формы и методы «профилактики» инакомыслия; они становятся более гибкими и изощренными. Судебные преследования все чаще заменяются административными - осуждением на собраниях, увольнением с работы, исключением из вузов, лишением прописки в Москве, Ленинграде и других городах. Протестующую интеллигенцию лишали возможности выезжать за границу для участия в научных форумах и симпозиумах. Деятельность адвокатов в судах по «политическим» делам сводилась к формальному участию. Для участия в судебном заседании адвокат должен был иметь «допуск к секретным работам и материалам», который оформлялся в органах безопасности; получить его было совсем не просто. Не удивительно, что в большинстве случаев адвокаты не решались выступать против государственного обвинения, чем заранее, уже в начале судебного разбирательства, предопределялась формула приговора. В тех случаях, когда адвокаты проявляли объективность и честность, их либо лишали «допуска», либо, как И. Шветского (адвоката А. Амальрика), изгоняли из адвокатуры.

Вышеупомянутая смена руководства КГБ ознаменовалась активизацией работы и по выявлению инакомыслящих. Уже в первый год пребывания Ю. Андропова во главе органов безопасности на территории страны было зарегистрировано распространение 11956 листовок и других антисоветских анонимных документов, установлено 1198 анонимных авторов. Большинство из них, по словам Андропова, «встало на этот путь в силу

⁴⁵ Хроника защиты прав в СССР. 1980. Вып. 17. С. 17.

своей политической незрелости, а также из-за отсутствия должной воспитательной работы в коллективах, где они работают или учатся». В связи с ростом количества активистов, распространявших антисоветские документы, увеличилось и число лиц, привлеченных за это к уголовной ответственности: в 1966 таких было 41 человек, в 1967 - 114⁴⁶.

Из информации Председателя КГБ СССР в Политбюро следовало, что в конце 1968 - начале 1969 года из оппозиционно настроенных элементов сформировалось политическое ядро, именуемое «демократическим движением», которое обладало тремя признаками оппозиции: имело руководителей, активистов и опиралось на значительное число сочувствующих, добивалось легальности, а также демократизации страны путем выработки в людях демократических убеждений, сопротивления сталинизму самозащитой от репрессий, борьбой с экстремизмом любого толка.

Активизируется борьба и с распространителями самиздата, о чем говорят многочисленные депешаи руководства КГБ в ЦК и Политбюро ЦК КПСС. В этой связи 28 июня 1971 года ЦК партии принимает постановление «О мероприятиях по противодействию нелегальному распространению антисоветских и других политически вредных материалов» - документ, содержание которого сводится к комбинации репрессивных и пропагандистских действий. Одной из форм борьбы с диссидентством в этот период становится официальное письменное предостережение от имени органов власти с требованием «прекращения политически вредной деятельности». На Политбюро ЦК 25 декабря 1972 года одобряется Указ Президиума Верховного Совета «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия».

Несмотря на принимаемые меры, количество лиц, критиковавших политический режим, продолжало нарастать. Спустя три года после известного Указа ПВС СССР Ю. Андропов докладывал, что за 1971 - 1974 годы были «профилактированы» 63108 человек. За этот период таким путем была пресечена на стадии формирования деятельность 1839 «антисоветских групп»⁴⁷. Среднегодовое число последних не сократилось, а число «профилактлируемых» выросло примерно в 10 раз. Разумеется, это не полные данные, ибо далеко не все диссиденты подверглись «профилактике».

Росту влияния и признания правозащитного движения за рубежом противопоставлялся ряд организационных и пропагандистских инициатив. 23 мая 1977 года ЦК КПСС принял закрытое постановление «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности советских людей», которое ориентировало органы безопасности на активизацию своей деятельности. Реализуя это партийное решение, органы КГБ уже в конце 1977 года

⁴⁶ РГАНИ, ф. 89, оп. 51, д. 3, л. 1.

⁴⁷ См.: Русская мысль. Париж, 1995. № 4103. С. 8.

вели разработку 1068 человек, разыскивали 2293, осуществляли наблюдение за 6747 гражданами. По делам КГБ было проведено 13 судебных процессов, профилактровано 12115 человек⁴⁸. Были введены новые, жесточенные ограничения, касающиеся публикации статей, усилен контроль за соблюдением перечня сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах радио и телевидения. Более строгим стал контроль за хранением и использованием полиграфической и множительной техники. Повысилась требовательность к лицам, командируемым за границу, и к приему иностранцев в СССР.

Усиление режима закрытости, секретности стало еще более очевидным на фоне отхода властей от выполнения Хельсинских договоренностей. Проведенный нами анализ вопросов, рассматривавшихся на Политбюро ЦК КПСС, показывает, что в этот период преобладали темы дискредитации идеологического противника, разоблачения кампании в защиту прав человека в СССР и других социалистических странах.

Проявляя крайнюю нетерпимость к диссидентству, руководство партии и государства на просьбы руководителей компартий западноевропейских стран о прекращении преследований советских правозащитников отвечало резким отказом, называя последних «пособниками нашего общего классового врага». Тем не менее в целом ряде вопросов власть проявляла гибкость и в пропагандистских целях иногда шла на уступки оппозиции - выпускались ранее запрещенные произведения, за «примерное» поведение сокращался срок наказаний (как, например, А. Синявскому), осуществлялись обмены (В. Буковского на Генерального секретаря Компартии Чили Л. Корвалана в декабре 1976 года, а затем в апреле 1979 года группы диссидентов в составе Г. Винса, Э. Кузнецова, М. Дымшица, В. Мороза, А. Гинзбурга на советских разведчиков В. Энгера и Р. Черняева).

Как и прежде, происки «идеологического противника» виделись всюду — среди международных гуманитарных организаций, спортсменов, прибывших на Олимпиаду-80, в художественной литературе, публицистике, периодической печати. В 1983 году, например, Главлитом было конфисковано 420 изданий (316 номеров газет, 98 журналов, 6 книг) — всего 235 тысяч экземпляров, в то же время на 8523 издания (6289 газет, 1980 журналов и 254 книги) были наложены ограничения⁴⁹. Эта практика продолжалась до начала «перестройки».

Особое внимание высших органов власти привлекала деятельность активистов правозащитного движения. По нашим подсчетам, «тема»

⁴⁸ РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 219, л. 2, 8

⁴⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 75, д. 220, л. 1-71; д. 221, л. 1-125; д. 222, л. 1-12; д. 223, л. 1-216; д. 242, л. 1-68; д. 243, л. 1-74; д. 244, л. 1-135; д. 250, л. 3-55.

А.Сахарова обсуждалась на Политбюро не менее 20 раз, П. Литвинова и А.Солженицына - по 6, А. Твердохлебова и Е. Боннэр - по 4 раза⁵⁰.

Приход к власти М. Горбачева и начало «перестройки» вызвали определенные надежды в диссидентских кругах на легализацию своей деятельности. Однако этого не произошло. Как следовало из доклада Председателя КГБ СССР В. Чебрикова, за 1985 год было выявлено 1275 авторов и распространителей анонимных активистских и клеветнических материалов, 97 из них привлечены к уголовной ответственности. Осуществлены «предупредительно-профилактические меры в отношении 15271 человека. К уголовной ответственности за особо опасные государственные преступления привлечено 417, иные государственные преступления - 417, другие преступления-61 человек».

Таким образом, на протяжении всего анализируемого периода отношение высших органов власти страны к диссидентству оставалось крайне негативным, о чем свидетельствовало дальнейшее совершенствование системы борьбы с инакомыслием, включавшей в себя комплекс организационных, административных, идеологических и медицинских мероприятий.

В разделе **«Периодическая печать как средство дискредитации правозащитного движения»** рассматривается участие средств массовой информации в идеологической войне против инакомыслия. В связи с активизацией диссидентского движения в конце 1960-х годов власти усиливают цензуру, ограничивают публикацию «сомнительных» художественных произведений, демонстрацию уже готовых кинофильмов.

Первые симптомы «закручивания гаек» показал уже упоминавшийся процесс над А. Синявским и Ю. Даниэлем, когда в центральной печати советские журналисты буквально обрушились на литераторов, осмелившихся нарушить «правила игры». Статьи изображали их лицемерами, двурушниками, врагами советской власти, перевертышами. В ответ на официальные публикации срочно инспирировались «возмущенные» письма трудящихся - от оленеводов до академиков.

Этот же сценарий повторился и в ходе судебного процесса над А.Гинзбургом, Ю. Галансковым, А. Добровольским, В. Лашковой и участниками демонстраций на Красной площади 25 августа 1968 года. Подсудимых называли лентяями и тунеядцами, иждивенцами и морально неустойчивыми людьми, связанными с антисоветскими организациями. Среди «осуждавших» были известные деятели науки и культуры страны. Разоблачительный тон задавала центральная пресса, ей вторила местная печать. В дискредитации нравственного облика диссидентов активно участвовали не только журналисты, но и руководители разведывательного ведомства. В 1970-е годы наблюдаются некоторые «новации»; в периодиче-

⁵⁰ РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 54, л. 2; оп. 37, д. 14, л. 1; оп. 37, д. 4, л. 3; оп. 36, д. 17, л. 4 и др.

ской печати появляются «покаянные» письма диссидентов, служившие своеобразным средством «саморазоблачения» оппозиции.

По мере расширения кампании в защиту прав человека советская пресса с явным опозданием начинает публиковать серию статей о нарушениях прав человека на Западе. После подписания Хельсинского Заключительного Акта усиливается деятельность по дискредитации духовных лидеров движения в защиту прав человека. Этот контролируемый и направляемый властью обвал клеветы обрушился не только на А. Сахарова, А. Солженицына, В. Буковского, но и на менее известных диссидентов, а нередко и членов их семей. Правозащитникам все чаще инкриминировалось нагнетание международной напряженности, выступления против разрядки и т.п. Еще громче зазвучали ставшие уже стереотипными обвинения в нечистоплотности, аморальности, тунеядстве, безграмотности и т.д.

В целях защиты чести и достоинства диссидентов, «Хроника защиты прав в СССР» публикует список политзаключенных - ученых, творческих работников, среди которых были писатели, поэты, литературоведы, ученые-историки, филологи, физики, биологи, кибернетики и т.д.

Во второй половине 1970-х - начале 1980-х годов все чаще стали появляться публикации, нацеленные на дискредитацию духовенства, выступавшего за соблюдение прав верующих в СССР. Среди критикуемых оказались известные своей правозащитной деятельностью священники А. Огородников, Д. Дудко, Г. Якунин, Л. Регельсон. «Заказываемая» такого рода статья, власть невольно привлекала внимание огромного числа граждан своей страны к проблеме защиты прав человека. Как метко заметил А. Зиновьев, «выталкивание... человека в отщепенцы, стремление дискредитировать его, наконец - исключение из общества - все это необходимые элементы тренировки общества на монолитное единство»⁵¹.

Нельзя не отметить весьма неблагоприятную роль некоторых журналистов, писателей, деятелей науки и культуры в дискредитации диссидентов. В результате мощного прессинга, идеологическая направленность которого была очевидна, немалая часть советских людей была убеждена в том, что правозащитники являются именно такими, какими их представляют СМИ.

Мы пришли к выводу о том, что период с середины 1960 по 1980-е годы в СССР характеризовался господством информационного режима, идеологический вектор которого, при отсутствии политико-публицистического плюрализма, задавался властными структурами и цензурным контролем. При этом осуществлялось «идеологическое насилие» над обществом, когда информационные потоки, заряженные однопорядковым негативным материалом, провоцировали в общественном сознании отрицательное отношение к диссидентству.

⁵¹ Зиновьев А. В. Коммунизм как реальность М., 1996. С. 149.

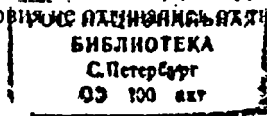
Шестой раздел «Судебная психиатрия в борьбе с инакомыслием» отражает причастность к подавлению инакомыслия такой деликатнейшей сферы медицины, как психиатрия, до конца 1950-х годов случаи использования которой были сравнительно редким явлением. Исследование показывает, что переломным стал 1959 год, когда Н. С. Хрущев заявил, что в условиях строительства коммунизма только сумасшедший может быть недоволен нашим замечательным строем. В 1961 году в стране впервые была издана «Инструкция по неотложной помощи психиатрическим больным, представляющим общественную опасность», во многом способствовавшей распространению практики внесудебных преследований в СССР.

Факты использования психиатрии против инакомыслия были вначале достоянием только средств массовой информации западных стран. Одним из первых о злоупотреблениях психиатрией поведал А. Подрабинек, а затем английские исследователи С. Блох и П. Реддаэй. Широкую известность за рубежом получили дело И. Яркова, опубликованное в самиздате и переправленное на Запад, история «болезни» С. Писарева, члена партии большевиков с 1920 года, обратившегося к Сталину с письмом, в котором он критиковал органы МГБ и МВД за фабрикацию «дела врачей». С. Писарев был признан невменяемым и отправлен на длительное время в психиатрическую больницу. Спустя несколько лет выяснилось, что он абсолютно здоров. Аналогичным образом поступили с геофизиком, лауреатом Сталинской премии Н. Самсоновым.

Одним из наиболее вопиющих примеров использования психиатрии в борьбе с инакомыслием был случай с генералом П. Григоренко. После выступления на районной партийной конференции в Москве он был отстранен от работы, лишен воинского звания, признан комиссией ЦНИИСП им. В. П. Сербского невменяемым и направлен на «лечение» в специальную психиатрическую больницу (СПБ), где провел более шести лет.

Примеры эти далеко не единичны. Список «психически больных» можно пополнить именами писателя В. Тарсиса, автора романа «Палата №7», студента Московского института иностранных языков Е. Белова, обращавшегося с письмами в различные инстанции с критикой властей в СССР, А. Вольпина-сына С. Есенина, поэтессы Н. Горбаневской, признанной в институте им. В. П. Сербского душевнобольной, поэта В. Некипелова, ученого Л. Плюща, В. Новодворской и многих других.

Как правило, лицам, вступившим в противоборство с властью, ставился диагноз «шизофрения» или «паранойальное развитие личности». Поводом для насильственного помещения в психиатрическую больницу могли послужить не только открытая критика властей, но и участие в распространении антисоветской литературы. Большая часть «критикующих» оказывалась в спецпсихбольницах, где условия существования для современных.

По свидетельству правозащитников, группа психиатров разрабатывала специальную диагностику, удобную для применения в отношении идеологических оппонентов. Появились такие термины, как «бред реформаторства», «вялотекущая шизофрения», до этого считавшиеся в медицине весьма спорными. «Хроника текущих событий» постоянно информировала общественность о бедственном положении инакомыслящих, объявленных официальной медициной психически больными, которых, по некоторым оценкам, в системе СПБ находилось не менее тысячи человек. По данным ХТС, летом 1977 года в Казанской СПБ среди 750 пациентов оказалось около 120, помещенных сюда по политическим мотивам.

Режим содержания в СПБ носил по сути тюремный характер. Средствами наказания пациентов СПБ были лишение прогулок, возможности просмотра телепередач, запрет курения, лишение права на переписку и свидания. В целях «профилактики» больных переводили в «буйное» отделение. Виды наказаний нередко зависели от традиций больницы, личных качеств медицинского персонала и администрации. В качестве медикаментозных средств назначались большие дозы психотропных препаратов и нейролептиков.

К обычным тюремным тяготам в СПБ добавлялись и все невзгоды психиатрической больницы: бессрочная изоляция, принудительное лечение, побои и полное бесправие. Любое недовольство фиксировалось в истории болезни и рассматривалось как доказательство безумия. «Для выписки, - вспоминал В. Буковский, - врачи откровенно требовали от заключенного признания болезни и осуждения своих действий»⁵². Это называлось «критикой поведения» и служило доказательством «выздоровления».

Насильственные меры воздействия часто служили возмездием за неподчинение режиму либо наказанием за диссидентскую деятельность на свободе, своего рода «наглядной профилактикой». Однако среди врачей и медперсонала СПБ было немало порядочных людей, которые, выполняя свой профессиональный долг, защищали таких «больных», рискуя при этом потерять работу или самим оказаться на «излечении».

С 1968 года все чаще звучат протесты против использования советскими властями психиатрии в борьбе с инакомыслием. В защиту пациентов СПБ выступали советские ученые и общественные деятели. Большую роль в защите диссидентов, признанных официальной психиатрией «больными», сыграли А. Сахаров, Е. Боннэр, Г. Подъяпольский, супруга П. Григоренко - З. Григоренко, жена Л. Плюща - Т. Житникова и многие другие.

Особая роль в разоблачении злоупотреблений в психиатрии принадлежала Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Она выпустила 24 номера «Информационного бюллет-

⁵² Буковский В. И. *Возвращается ветер*. М., 1990. С. 155

тень», свидетельствовавшего о преследованиях инакомыслящих в СССР. За два неполных года члены комиссии направили в различные инстанции более 70 писем, в которых отмечались многочисленные случаи психиатрических репрессий по идеологическим мотивам. По нашим подсчетам, ее члены провели проверку не менее чем 500 эпизодов, связанных с использованием психиатрии в политических целях.

Разумеется, как бы точно ни были сформулированы инструкции, психиатры могли допускать ошибки. В демократических странах с развитой правовой культурой они обычно исправлялись посредством пересмотра дела судебными инстанциями. Советское законодательство исключало возможность такой процедуры: суды были закрытыми, больным запрещались встречи с адвокатами на всех стадиях госпитализации, отказывалось в праве апелляции в суд. Власти объявляли себя непричастными к злоупотреблениям, возлагая всю ответственность на психиатров. Показательно, однако, что, пройдя принудительное лечение в СССР и оказавшись за границей, значительная часть диссидентов и сегодня продолжает плодотворно заниматься интеллектуальным трудом.

Причины использования психиатрии в борьбе с инакомыслием вскрыты В. Буковским, А. Подрабинком, В. Новодворской, известным российским историком психиатрии М. Буяновым. Последний, в частности, писал: «...в первые годы советской власти большевикам удалось победить совесть и растоптать право. Это произошло на благодатной почве, ибо только в России могло появиться произведение под названием «Горе от ума». Чацкий, первый в мире диссидент, которого за свободомыслие, непочтительные речи объявили сумасшедшим. Потом был Чаадаев. Где, в какой стране могло быть нечто подобное?» Критиковать психиатрию долгие годы считалось преступлением - это все равно, что плохо говорить о Ленине или КГБ. «После октября 1917 года, - отмечает Буянов, - гуманистическая мораль была отменена, ее место заняла целесообразность - что хорошо для мировой революции, то и нравственно»⁵³.

В процессе изучения проблемы мы пришли к выводу о том, что судебная психиатрия нередко использовалась для дискредитации диссидентского движения, выполняя, таким образом, карательные функции в отношении несогласных с «генеральной линией партии». Как известно, к подобной практике прибегали и в нацистской Германии. Разумеется, нельзя ставить знак абсолютного равенства между действиями советских врачей и экспериментами нацистских эскулапов. Однако между ними имеется и нечто общее, а именно: одинаковы причины и цели произвола - пренебрежение к правам личности, выполнение установок власти при отсутствии сдерживающего нравственного начала.

⁵³ Буянов М. И. Ленин, Сталин и психиатрия. М., 1993. С. 11.

В седьмом разделе «Правозащитники в условиях советской уголовно-исполнительной системы» анализируются особенности формирования системы исправительно-трудовых учреждений. Советское государство получило от царской России достаточно сложившуюся тюремную систему. Однако представители «революционной» юриспруденции постарались приспособить право к интересам классовой борьбы, поставив его на службу политике.

По мнению властей особую опасность для политического режима представляли не уголовные, а так называемые политические преступники, по отношению к которым репрессии продолжали усиливаться и после Великой Отечественной войны. 21 февраля 1948 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». По состоянию на 1 апреля 1949 года в местах заключения МВД СССР под стражей содержалось 2710541 арестованных и осужденных, в том числе в местах заключения МВД республик, УМВД краев и областей - 1486047 человек; в ИТЛ МВД - 1218424 человека, в тюрьмах МВД СССР - 6070 человек⁵⁴.

Смерть Сталина и робкий процесс десталинизации сказался и на уголовно-исполнительной системе. Общество не могло не видеть ее кричащих изъянов. В середине 1950-х годов структура ИТЛ получила официальную отрицательную оценку. Несмотря на ряд принятых нормативных актов, положение осужденных по статье 58 УК РСФСР, так называемых особо опасных государственных преступников, отбывавших наказание в исправительно-трудовых колониях, не изменилось.

Основным «архипелагом» «политических» колоний в рассматриваемый период являлась территория Мордовской АССР. Первый лагерь был создан здесь в мае 1931 года. Комплекс колоний получил вначале обозначение «Темлаг», а затем - «Дубравлаг». К концу 1950-х - началу 1960-х годов все особо опасные государственные преступники были этапированы в «Дубравный». Он стал эпицентром многих событий общественного звучания, получил печальную известность далеко за пределами страны. Сюда после окончания судебного процесса в феврале 1966 года были доставлены московские литераторы А. Синявский и Ю. Даниэль, после чего о Дубравлаге заговорили и за рубежом. Здесь отбывали сроки лишения свободы известные диссиденты - рабочий А. Марченко, преподаватели В. Мороз и В. Павленков, поэт М. Руденко, поэтесса И. Ратушинская, художница С. Шабатура, астроном К. Любарский, врач Б. Азерников, а также так называемые самолетчики Э. Кузнецов, И. Менделевич и многие другие.

⁵⁴См. Сопrotивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1992. С. 206

В 1970-е годы широкую известность получили Учреждения ВС-389/35, ВС-389/36 и ВС-389/37, названные политзаключенными «Пермский треугольник». В 1972 году в Чусовском районе Пермской области были созданы две колонии, предназначенные для «особо опасных» государственных преступников. 13 июля 1972 года сюда была этапирована часть политзаключенных из Дубравлага. Этот скорбный маршрут В. Буковский позднее назовет «пермским экспериментом». В 1974 году заключенные начали строить еще один лагерь.

В пермских колониях были сконцентрированы наиболее последовательные и бескомпромиссные активисты нравственного сопротивления: профессор Ю. Орлов, биолог С. Ковалев, врач С. Глузман, В. Буковский, А. Шаранский, украинские «националисты» Н. Горбань, И. Калынец, И. Светличный, В. Стус и активисты литовского национального движения. В составе колонии ВС-389/36 существовал единственный в стране участок особого режима для «политических», где они содержались в тюремных условиях.

Как и в Дубравлаге, в пермских колониях власть демонстрировала нетерпимость к диссидентам, создавая для «политзеков» невыносимые условия. Так, во второй половине 1984 года здесь погибли лидер свободных профсоюзов А. Никитин, основатель Украинской Хельсинской группы преподаватель О. Тихий, публицист Ю. Литвин, журналист В. Марченко, поэт В. Соколов.

За «систематические нарушения режима» по приговору суда некоторые диссиденты этапировались из Дубравлага и пермских колоний во Владимирскую внутреннюю тюрьму, в которой вместе с политзаключенными отбывали срок заключения каратели, полиция и т.д. В 1970-е годы в этой тюрьме находилось около 80 человек (осужденных по статье 70, часть 2), которых называли «семидесятниками».

К середине 1960-х - началу 1970-х годов в стране была создана уникальная уголовно-исполнительная система, не имеющая аналогов в мировой практике. Через нее прошли десятки миллионов граждан. Здесь одновременно отбывали наказание подлинные преступники, рецидивисты и осужденные по политическим мотивам, а также за «веру». Отбыв срок лишения свободы, бывший политзаключенный сталкивался с проблемами прописки и трудоустройства, так как почти в семидесяти городах действовало ограничение в прописке ранее осужденных лиц.

На протяжении многих десятилетий власть сознательно скрывала состояние и проблемы уголовно-исполнительной системы. Хотя к этому времени мировой опыт деятельности системы исполнения наказаний аккумулировался в «Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными», принятых ООН в 1959 году, официальные власти СССР, админист-

рация колоний предпочитали умалчивать о них, не желая менять правоприменительную практику в отношении осужденных.

Следует заметить, что в местах лишения свободы достаточно давно имела место традиция нравственного подавления личности подследственного или осужденного. Это касалось следственных изоляторов, тюрем и ИТК. «Научно обоснованные» нормы питания в следственных изоляторах не выдерживали никакой критики; еще хуже они были в тюрьме, штрафном изоляторе, помещении камерного типа, бараке усиленного режима.

Крайне тяжелыми были и условия труда на производстве. Нарушалась техника безопасности, отсутствовали вентиляция, спецодежда, что способствовало высокому уровню заболеваемости туберкулезом, язвенной болезнью желудка, сердечно-сосудистыми нарушениями. Невыносимый режим содержания «политических» усугублялся их совместным пребыванием с военными преступниками, карателями и рецидивистами.

Нарушение элементарных личных прав было обычным явлением в колониях, ибо режим содержания ориентировался прежде всего на лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления. Ответной реакцией на притеснения были регулярные голодовки политзаключенных, принимавшие иногда массовый характер. Нередко они приурочивались к юбилейным датам и праздникам - Дню Конституции, Дню прав человека, Дню политзаключенного. Одной из форм сопротивления был отказ некоторых активистов правозащитного движения от советского гражданства.

Наиболее распространенной формой защиты прав заключенных стали письма и обращения в советские и международные организации, Президиум Верховного Совета, Генеральную прокуратуру, руководителям партии и государства, Комитет по правам человека при ООН. Новый импульс получило нравственное сопротивление после подписания Хельсинских договоренностей. Однако положение заключенных не менялось к лучшему.

Длительное время политзаключенные боролись за признание своего особого статуса. В Дубравлаге Э. Кузнецов и В. Черновол составили текст «Статуса политзаключенного». Он состоял из 6 разделов, 39 параграфов, в которых определялись понятия «политзаключенный», его права. Параграф второй гласил, что «политическими заключенными могут считаться лица, осужденные за убеждения (в том числе и за религиозные) и их распространение в устной, письменной или любой другой форме»; не считались политзаключенными полицейские, каратели и т. д. В документе были детально разработаны вопросы правового положения политзаключенных, режим содержания, жилищно-бытовые условия, право на труд и свидание с родственниками и т. д. Однако главное управление ИТУ МВД СССР, куда был направлен этот документ, не сочло эту проблему актуальной и требующей обсуждения.

Активизации нравственного сопротивления способствовали события большой политической важности - введение советских войск в Афганистан, Олимпиада-80, Мадридская встреча и др. В конце 1970-х годов, когда репрессии достигли апогея, правозащитники стали все чаще апеллировать к Западу, находя там поддержку и понимание.

Таким образом, проанализированные нами факты свидетельствуют о том, что и в местах лишения свободы диссиденты упорно боролись за свои права, нередко теряя при этом здоровье, а иногда и жизнь, демонстрируя гражданское мужество и человеческое достоинство.

В восьмом разделе **«Система исполнения наказаний СССР глазами правозащитников»** показывается видение системы диссидентами, прошедшими эту суровую «школу». Привлеченные исследователем воспоминания, письма, обращения, интервью, телеграммы правозащитников посвящены не только положению осужденных, но и их субкультуре в условиях лишения свободы. Правозащитники касались широкого круга вопросов, выходящих за пределы «тюремной» проблематики. Это крайне важно в условиях России, где в ряде регионов осужденные или бывшие заключенные составляют до одной трети и более активного населения. Тюремные правила, законы, сленг распространяются за пределы мест заключения, охотно перенимаются молодежью и подростками.

Литературный жанр тюремных воспоминаний издавна известен человечеству. Десятки, если не сотни миллионов побывавших в тюрьмах изложили свои воспоминания и впечатления о них. Причина вечного, жгучего интереса, который неизменно вызывает тюрьма, заключается, очевидно, в том, что всего страшнее на свете смерть, безумие и тюрьма. Неизвестное, страшное, как ни парадоксально, притягивает к себе внимание своей недоступностью.

В этом смысле оценка системы исполнения наказаний В. Буковским, Ю. Галансковым, В. Делоне, С. Ковалевым, А. Марченко, В. Морозом, И. Ратушинской и многими другими, раскрывающая теневые стороны этой системы, сегодня особенно актуальна. Пережив тяготы тюремной, лагерной жизни, правозащитники попытались осмыслить ее специфику и сделать общественно значимые выводы.

Большинство политзаключенных, описывая первые впечатления от СИЗО, тюрьмы или колонии, чаще всего использовали такие сравнения, как «царство абсурда», «хаос», «потусторонний мир» и др. По мере непосредственного вхождения в этот мир они открывали его внутреннюю логику и неписаные законы. В следственных изоляторах они отмечали антисанитарию, переполненность камер, жесткую стратификацию подследственных, их сложное психическое состояние. Особенно трудной для первых дней была изоляция от внешнего мира, «сенсорная депривация», или лишение обычных раздражителей. Это было характерно и для пересыльных

тюрем, где, как и всюду, в качестве психологического воздействия имело место внушение страха. Поэтому в камере от заключенного требовались воля, выдержка и терпимость к сокамерникам.

Незначительно менялась ситуация и в собственно колониях - здесь были те же угнетающая обстановка, неудовлетворительное питание. Результатом плохого питания, а также неоднократных голодовок была смерть в больничной зоне Дубравлага Ю. Галанскова. Крайне отрицательная оценка санитарных условий, питания содержалась в письме врача Б. Азерникова, отбывавшего срок наказания в Учреждении ЖХ-385/19 Дубравлага. В письме, написанном летом 1974 года, сообщалось о низком уровне медицинского обслуживания, отсутствии многих лекарств и квалифицированного медицинского персонала.

Особую озабоченность диссидентов вызывали взаимоотношения с осужденными по уголовным статьям, которые были далеко не безоблачными. Правозащитники не могли не видеть существования очень жесткой иерархии в среде осужденных, отличавшейся жестокостью и регламентированностью, наличием сексуального насилия как з мужских, так и в женских колониях.

Внутренняя жизнь уголовно-исполнительной системы в годы советской власти была закрыта для средств массовой информации. Одним из первых пробивших «брешь» в стене молчания о системе исполнения наказаний был В. Мороз, отбывавший срок лишения свободы с 1965 по 1969 год в Дубравлаге и подготовивший эссе «Репортаж из заповедника имени Берия». Книга полна кричащих фактов, подробностей и глубоких размышлений о внутреннем мире колоний «Дубравного». Некоторые правозащитники с сарказмом вспоминали о формализме «политбесед», лекций, работе вечерних школ, функционировавших в местах лишения свободы, и т.д.

Уголовно-исполнительная система оказывала пагубное влияние на здоровье и психическое состояние осужденных. Она не исправляла, а еще больше деформировала личность. Из мест лишения свободы человек, как правило, возвращался измученный физически, с серьезными психическими отклонениями, надломленный нравственно и физически. После выхода на свободу требовалось пройти сложный и небезопасный процесс реабилитации, нередко заканчивавшийся рецидивным правонарушением. В колониях, где отбывали срок наказания многие диссиденты, по образному выражению В. Буковского, - «...вся страна в миниатюре, здесь, как в зеркале отражаются все стороны жизни народа: социальное положение, правосудие и т.п.»⁵⁵.

Диссиденты вскрыли глубокий социальный смысл и последствия участия уголовно-исполнительной системы в борьбе с инакомыслием.

«Общество, в котором философские проблемы разрешаются карательными органами, за колючей проволокой, - писал В. Мороз, - обречено на вечное шарханье от кок-сагыза к кукурузе и на «культурные революции». Оно всегда будет принимать Эйнштейна и кибернетику с опозданием на полстолетия — до тех пор, пока КГБ будет регулировать общественную жизнь»⁵⁶. При этом правозащитники подчеркивали, что целью системы исправления наказаний было прежде всего возмездие, а не исправление осужденного, отсюда ее жестокость и неэффективность.

В заключении даны обобщающие выводы диссертационного исследования. Правозащитное движение, по глубокому убеждению автора, - бесспорно важное общественное явление как в узком, так и в широком историческом контексте. Оно положило начало формированию в российском обществе новой системы ценностей, нового мировоззрения, качественно отличного от средневеково-авторитарного, ставшего главным тормозом на пути социального прогресса. Поэтому есть все основания утверждать, что движение в защиту прав человека ознаменовало начало цивилизационного по своим масштабам перелома в обществе. С точки зрения конкретных исторических оценок отметим следующее:

- хрущевская «оттепель» резко обнажила противоречия между изменившимся общественным сознанием и властью. Процесс десталинизации оказался робким и непоследовательным. Эра надежд закончилась еще быстрее, чем началась. Наступило разочарование, особенно среди интеллигенции и студенческой молодежи;

- в ответ на постепенную ресталинизацию общественно-политического уклада середины 1960-х годов возросла активность либеральной интеллигенции, открыто выступившей в защиту «линии XX-XXII съездов КПСС». Не случайно именно в ее среде зародились семена протеста против нарушения прав человека, ставших главной ценностью в демократическом мире;

- возникновение правозащитного движения, его эволюция и генезис не только отражали внутренние перемены в общественном сознании, но и непосредственно воздействовали на него. Движение поколебало миф о непоколебимости советской системы и непорочности советского образа жизни;

- поскольку движение носило нравственный характер, его основной целью являлась защита прав человека легальными средствами. Ему были присущи глубокое осознание личной ответственности за происходящее вокруг, идеи нравственного и политического плюрализма, защиты права на индивидуальность, неприятие казарменной одинаковости;

⁵⁶ Мороз В. Репортаж из заповедника имени Берия. Тель-Авив, 1970. С. 35.

- в отличие от некоторых диссидентских течений правозащитное движение стремилось к достижению консенсуса с властью. Правозащитники не выступали против основ социалистической системы, считая, что основной целью движения является ее совершенствование на основе признанных мировым сообществом прав человека и гражданина;

- власть в лице Политбюро ЦК КПСС, советского правительства, органов безопасности проявляла традиционную нетерпимость к инакомыслию, активно ужесточая при этом механизм его дискредитации и подавления;

- в состоянии «боевой готовности» были приведены средства массовой информации, особенно периодическая печать, привлечена такая деликатная область медицины, как судебная психиатрия. В результате власти удалось создать у значительной части населения стереотип диссидента как «агента влияния извне», «врага социализма» и «агента ЦРУ»;

- особое место в кампании по искоренению инакомыслия занимала советская уголовно-исполнительная система. Несмотря на жесточайшее подавление личности в местах лишения свободы, правозащитники, используя обращения в самые различные советские и зарубежные инстанции, забастовки, голодовки и другие формы протеста, продемонстрировали гражданское мужество, решимость защищать свои права и человеческое достоинство;

- оценка системы исполнения наказаний страны участниками движения была однозначно негативной; по их мнению, она не исправляла, а физически и нравственно деформировала личность, доставляя ей физические и нравственные страдания.

История правозащитного движения свидетельствует о том, что у каждого гражданина в любом социуме, при различных политических режимах есть выбор между пассивным соглашательством и протестом, между несогласием и конформизмом. Участников движения отличали прежде всего чувство долга и искреннее стремление изменить жизнь сограждан к лучшему. Однако требования правозащитников оказались «преждевременными», ибо власть была далека от осознания жизненных потребностей общества, породивших правозащитное движение, которые можно было успешно решать только в условиях диалога и сотрудничества нравственной оппозиции и властных структур.

Сегодня можно констатировать, что правозащитное движение не нашло всеобщего понимания и поддержки в обществе. Этому в немалой степени способствовали скоординированная властными структурами политика дискредитации движения, хорошо отлаженная система дезинформации советских граждан. Вместе с тем время показало, что, несмотря на жестокость мер - арестов и последующих осуждений, психиатрических репрессий, лишений советского гражданства и высылки за границу, несмотря на потоки клеветы на правозащитников в средствах массовой информации,

власть оказалась неспособной вернуть страну в «додиссидентское» состояние.

После «тихой» амнистии 1987 года правозащитники вышли на свободу. Однако ни партийные руководители, ни современные реформаторы не увидели возможностей для конструктивного диалога с ними. Деятельность новых правозащитных организаций, созданных в 1990-х годах, направлена сегодня главным образом на реализацию социально-экономических прав - своевременную выплату зарплаты, борьбу с незаконными увольнениями и сокращениями с работы, с неуставными отношениями в российской армии и т.д. К сожалению, как и прежде, властные структуры отрицательно относятся к правозащитной деятельности, считая, что время критических оценок кануло в прошлое, а государству нужны созидатели. Таким образом, проявляются рецидивы «советского синдрома», несущего в себе элементы непонимания и конфронтации.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях автора:**

Монографии

1. Лушин А. И. Власть и правозащитное движение в СССР. Историко-правовой аспект. - Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002 (23 п. л.).

*Публикации в периодических научных изданиях,
рекомендуемых ВАК*

1. Лушин А. И. К вопросу о формировании законодательной базы репрессивной политики в отношении диссидентства во второй половине 1950-1980-х годах // История государства и права. - 2003. - № 3. - С. 25-28 (0,5 п. л.).
2. Лушин А. И. К вопросу оценки правозащитниками советской уголовно-исполнительной системы // Там же. - С. 40-47 (0,75 п. л.).
3. Лушин А. И. История правозащитного движения в структуре историко-правового сознания // Регионология: Науч.-публ. журн. - 2003. - № 1/2. - С. 323-330. (0,6 п. л.).
4. Лушин А. И. История правозащитного движения как образовательный и воспитательный компонент // Интеграция образования: Науч.-метод. журн. - 2003. - № 4. - С. 126-132 (0,5 п. л.).

1. *Лушин А. И.* К вопросу формирования исторического сознания студенческой молодежи // Потребительская кооперация в условиях рыночного хозяйства. Подготовка кадров в условиях рыночной экономики: Тез. докл. науч.-метод. конф. - Саранск, 1994. - С.117-118 (0,3 п. л.).
2. *Лушин А. И.* Политическая культура: Метод, разработка для студентов очной и заочной форм обучения Саран, кооп. ин-та МУПК. - Саранск, 1995. - 16 с. (1 п. л.).
3. *Лушин А. И.* Правозащитное движение в СССР как политический и нравственный феномен // М. М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. докл. III Саран, междунар. Бахтинских чтений: В 2 ч. - Ч. 1-Саранск, 1995.-С. 105-108(0,25 п. л.).
4. *Лушин А. И.* Политикандонть ды виськсчиденть. (О соотношении морали и политики) // Сятко: Лит.- худож. и общ.-полит. журн. - Саранск, 1995.-№3.-С. 116-118 (0,2 п. л.).
5. *Лушин А. И.* Тоталитаризм и права человека // Проблемы и перспективы развития потребительской кооперации: Тез. докл. науч.-метод. конф. / Саран, кооп. ин-т МУПК. - Саранск, 1996. - С. 164-166 (0,2 п. л.).
6. *Лушин А. И.* Большевизм и права человека // Там же. - С. 171-173 (0,2 п. л.).
7. *Лушин А. И.* Гражданская война в России и проблемы прав человека // Тез. докл. науч.-метод. конф. Саран. кооп. ин-т МУПК. - Саранск, 1996.-С. 182-183 (0,2 п. л.).
8. *Лушин А. И.* О правах человека в России в период новой экономической политики // Там же. - С. 190-192 (0,2 п. л.).
9. *Лушин А. И.* Некоторые вопросы возникновения диссидентского движения в СССР // Проблемы развития потребительской кооперации в условиях проводимых экономических реформ: Сб. науч. ст. - Ч. 3. - М., 1997. - С. 24 (0,1 п. л.).
10. *Лушин А. И.* Мес эвандасть ломанень праватнень аралайсна. (О предпосылках появления правозащитного движения) // Мокша: Лит.-худож. и общ.-полит. журн. - Саранск, 1997. - № 1/2. - С. 118-121 (0,25 п. л.).
11. *Лушин А. И.* Олечинь кандыцят. (Несущие свободу) // Сятко: Лит.-худож. и общ.-полит. журн. - Саранск, 1997. - № 10. - С. 82-84 (0,25 п. л.).
12. *Лушин А. И.* Некоторые проблемы становления правозащитного движения в СССР // Проблемы развития потребительской коопера-

- ции в условиях проводимых экономических реформ: Сб. науч. ст. — Ч. 3. - М., 1997. - С. 25 (0,1 п. л.).
13. *Лушин А. И.* К вопросу возникновения правозащитного движения в СССР // Там же. - С. 26-27 (0,15 п. л.).
  14. *Лушин А. И.* К вопросу социалистической концепции прав человека // Там же. - С. 28 (0,1 п. л.).
  15. *Лушин А. И.* О становлении социалистической концепции прав человека // Там же. - С. 28-29 (0,15 п. л.).
  16. *Лушин А. И.* К вопросу о сущности диссидентского движения в СССР // Трансформация потребительской кооперации в рыночную систему: Тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. - Казань, 1997. - С. 204-205 (0,15 п. л.).
  17. *Лушин А. И.* К вопросу оценки правозащитниками пенитенциарной системы страны // Динамика состояний социума: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. в МГПИ им. М. Е. Евсевьева. - Ч. 2. - Саранск, 1999. - С. 9-10 (0,15 п. л.).
  18. *Лушин А. И.* Карательная психиатрия в борьбе с правозащитным движением (Вторая половина 1960-х - начало 1980-х годов) // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиевских науч. чтений. - Саранск, 1999. - С. 136-148 (0,75 п. л.).
  19. *Лушин А. И.* К вопросу использования в СССР психиатрии в политических целях // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. ст. - Вып. 2. / Мордов. гос. пед. ин-т. - Саранск, 1999. - С. 40-42 (0,2 п. л.).
  20. *Лушин А. И.* О взаимоотношениях власти и оппозиции в СССР в конце 1970-х - начале 1980-х гг. // Там же. - С. 38-40 (0,2 п. л.).
  21. *Лушин А. И., Адушкин В. А.* Становление и развитие пенитенциарной системы России // История в культуре, культура в истории: Материалы V Сафаргалиевских науч. чтений. - Саранск, 2001. - С. 260-277 (1 п. л. / авторский вклад 0,8 п. л.).
  22. *Лушин А. И.* Политическая философия // Философия: Курс лекций / Саран. кооп. ин-т МУПК. - Москва; Саранск, 2001. - С. 263-284 (1,4 п. л.).
  23. *Лушин А. И.* О предпосылках возникновения правозащитного движения в СССР // Органы юстиции и становление гражданского общества: Материалы науч.-практ. конф. - Саранск, 2003. - С. 21-27 (0,5 п. л.).
  24. *Лушин А. И.* Правозащитное движение как социальный феномен советского общества // Там же. - С. 28-31 (0,25 п. л.).
  25. *Лушин А. И.* Государственная власть и правозащитное движение // Там же. - С. 38-43 (0,35 п. л.).

26. Лушин А. И. Законодательная база репрессивной политики советского государства в отношении инакомыслия во второй половине 1950-х - 1980-х годах // Там же. - С. 141-146 (0,35 п. л.).
27. Лушин А. И. «Советская тюрьма» глазами правозащитников // Центр и периферия: Науч.-публ. журн. - Саранск, 2003. - № 1. - С. 87-91 (0,5 п. л.).
28. Лушин А. И. О некоторых особенностях формирования идейно-нравственных основ движения в защиту прав человека в СССР // Актуальные проблемы правовой реформы в России: В 2 т. - Калуга, 2003. - Т. 2. - С. 304-322 (1,1 п. л.).
29. Лушин А. И. Об отношении советского государства к правозащитному движению в стране // Там же. - С. 322-342 (1,2 п. л.).
30. Лушин А. И. О политике КПСС и советского государства в отношении диссидентства // Вестник молодых ученых Дагестана. История - этнография - политика / Дагестан, науч. центр Российской академии наук. - Махачкала, 2003. - С. 37-46 (0,75 п. л.).
31. Лушин А. И. К вопросу формирования юридических и идейно-нравственных основ движения в защиту прав человека в СССР // Там же. - С. 46-55 (0,75 п. л.).

*Всего по теме диссертации опубликовано 1 монография и 35 статей
общим объемом более 36 п. л.*

Лушин Александр Иванович
Власть и правозащитное движение в СССР
АВТОРЕФЕРАТ

Подписано в печать 30 декабря 2003 года.
Отпечатано с оригинала- макета заказчика

Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать способом ризографии. Усл. печ. л. 2,45. Уч.-изд. л. 3,15.
Тираж 100 экз. Заказ № 204.

Отпечатано в копи-центре «Референт». ИП Тимошкина Л.В.
430000, г. Саранск, ул. Полежаева, 49.

В - - 7 9 6

РНБ Русский фонд

2004-4

21963